

Валерий Сергеев
Виктор Хорошулин
*Кёнигсберг 1761. Тайна русского
поручика*

Удивительные и загадочные события, описание которых
не вошло в «Записки» А. Т. Болотова

Валерий Сергеев
Виктор Хорошулин
Кёнигсберг 1761. Тайна
русского поручика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38838372

ISBN 9785449359513

Аннотация

Во времена Семилетней войны город Кёнигсберг, как и вся Восточная Пруссия, оказался в составе Российской империи. В 1761 году губернатором этих земель стал отец великого полководца Василий Суворов. Андрей Болотов служил письмоводителем и переводчиком губернатора. Пока в Европе громыхали сражения, здесь текла мирная и спокойная жизнь, проводились исследования, в том числе и электричества. Жажда знаний, погоня за научными открытиями, любовь и схватки – всё это – на страницах романа.

Содержание

Кёнигсберг 1761. Тайна русского поручика	5
(Удивительные и загадочные события, описание которых не вошло в «Записки» А. Т. Болотова)	6
Пролог	6
ЧАСТЬ I. СВЕТЛАЯ СТОРОНА СИЛЫ	8
Глава 1. Весна в русском Кёнигсберге	8
Глава 2. Краткая беседа с Кантом	24
Глава 3. Размышления об электричестве	41
Глава 4. Теория и практика электрической материи	56
Глава 5. Диковины замка Шпетергаст	70
Глава 6. Философия весны	85
Глава 7. Путь в Кёнигсберг	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Кёнигсберг 1761. Тайна русского поручика

**Валерий Сергеев
Виктор Хорошулин**

© Валерий Сергеев, 2018

© Виктор Хорошулин, 2018

ISBN 978-5-4493-5951-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кёнигсберг 1761. Тайна русского поручика

(Удивительные и загадочные события, описание которых не вошло в «Записки» А. Т. Болотова)

Пролог

Город, стоящий на берегу реки Преголя и носящий имя Калининград, имеет долгую и славную историю. Но начинается история края отнюдь не с 1255 года, когда крестоносцы воздвигли на месте прусского городища Твангсте свою крепость Кёнигсберг. И даже не с тех давних времён, когда сюда, по преданиям, прибыли братья Видевут и Брутен, которые явились основоположниками новых устоев жизни и верований древних пруссов. Как и у многих народов, в том числе, безвестно канувших в Лету, история прусских племён уходит корнями в глубокую древность...

В данной книге мы приоткрываем лишь одну интереснейшую страницу жизни Кёнигсберга-Калининграда. Речь пойдёт о пребывании Восточной Пруссии в составе Российской империи в 1758—1762 годах.

Восемнадцатый век – век не только бесконечных и крова-

вых войн, это ещё и век просвещения и науки. Даже в период Семилетней войны, унёсшей тысячи жизней на полях сражений в Европе, некоторые пытливые умы изучали свойства электричества и пытались использовать их на благо людей.

В Кёнигсбергском университете Альбертине трудились учёные: физики, медики и философы. У каждого – свой взгляд на электрическую «материю», своё мнение об её целебных возможностях и смертельных опасностях.

Одни делали замечательные открытия, другие старались завладеть результатами их исследований.

Тут тоже шла война.

Здесь рождалась великая дружба.

И любовь к своей родине.

А также – к Женщине.

ЧАСТЬ I. СВЕТЛАЯ СТОРОНА СИЛЫ

Глава 1. Весна в русском Кёнигсберге

Весна 1761 года влетела в Кёнигсберг резвой русской тройкой, звон бубенцов которой слышен далеко в округе. Это и неудивительно – столица Восточной Пруссии уже три года как находилась в составе Российской империи (1), а её жители по доброй воле присягнули на верность императрице Елизавете Петровне. Сам факт входа в город русской армии очевидец того события, А. Т. Болотов, описал так: «Все улицы, окна и кровли домов усеяны были бесчисленным множеством народа. Стечение оно было превеликое, ибо все жадничали видеть наши войска и самого командира, графа Фермора, а как присовокуплялся к тому и звон колоколов во всем городе, и игранье на всех башнях и колокольнях в трубы и литавры, продолжавшееся во всё время шествия, то всё сие придавало оному ещё более пышности и великолепия.»

Нынче наступила четвертая весна многолюдного древнего города под Российской короной. Но хотя ласковое солнце всё чаще заглядывало на улицы Кёнигсберга, повсеместно

звенела капель, а кучи снега, убранного с мостовых, на глазах темнели и оседали, несмотря на то, что весёлые ручейки бежали по выложенным брусчаткой улочкам вниз, пополняя серые воды Прегеля, по ночам знобящую стынь в город возвращали дующие с Остзее (2) пронизывающие ветра.

...Откуда-то из глубин Королевского замка повеяло холодом. Ветер противно выл и поскуливал в щелях... Андрей Тимофеевич Болотов, недавно получивший звание поручика, служащий письмоводителем у губернатора Восточной Пруссии Василия Ивановича Суворова, а также выполняющий функции адъютанта последнего, накинул на плечи тёплую шерстяную накидку и склонился над своими записями.

Что это был за человек Андрей Тимофеевич? Несомненно, он обладал жизнелюбием, открытым сердцем и пытливым умом. Он ещё с юных лет приучился не страшиться трудностей, поэтому всегда добивался намеченной цели. Даже с наступлением «чёрных полос» в повседневной жизни, двадцатидвухлетний офицер никогда не унывал и не давал падать духом своим сотоварищам, вдохновляя их на большие дела и заставляя поверить в собственные силы. Эти качества не раз позволяли ему выходить с триумфом из самых скверных ситуаций. Окружающие уважали его за честность, ценили за порядочность, безупречный вкус, чувство прекрасного и жажду исследований...

Природа наделила молодого поручика обычной славян-

ской внешностью: прямыми светлыми волосами, зачесанными назад, высоким лбом, несколько крупными носом и губами, внимательными и чуть грустными глазами. Но главное, разумеется, не в чертах лица, точнее – не только в них... В нём чувствовалось некое внутреннее равновесие и душевный покой. Именно такая гармония сглаживает чуть заметные недостатки наружности, делает ровной походку, статной фигуру и осанку.

Кабинет, который занимал Болотов, имел четыре шага в длину и три в ширину. Пара скрипучих стульев, шкаф со служебными документами, небольшой топчан и стол, на котором стоял канделябр с тремя свечами, составляли весь его интерьер. На столе лежали листы бумаги, рядом расположилась чернильница с перьями. Поручик в редкие свободные минуты делал заметки о своих воинских походах и жизни в Кёнигсберге, которая так отличалась от жизни в Петербурге и Тульской губернии, где у Болотова находилось родительское имение.

Здесь же, в Кёнигсберге, в районе Штайндамм поручик занимал комнаты в кирпичном доме, расположенном неподалёку от кирхи, в которой уже не первый год проводились православные богослужения. Подобных домов возле кирхи было много, они плотно прижимались к ней, как спящие щенки к животу матери.

Стоит пересечь Штайндамм с запада на восток, как вы окажетесь в Альтштадте, старинном пригороде Кёнигсбер-

га, ранее бывшим самостоятельным городом. К Альтштадту, с южной его стороны, и примыкал Королевский замок, в котором располагалась резиденция генерал-губернатора Восточной Пруссии.

Сам губернатор прибыл в Кёнигсберг зимой, сменив на этой должности генерал-поручика Николая Корфа. Андрей Тимофеевич искренне обрадовался, когда новый военачальник при первой же встрече сказал ему: «А я знал вашего батюшку, Тимофея Петровича. Отменный был командир...». Корф не отпускал в действующую армию толкового переводчика и расторопного адъютанта. «Теперь, – думалось подпоручику, – новые ветры подуют в противоположную сторону...» Но и Василий Иванович оставил при себе Болотова, направив прошение об этом в Санкт-Петербург. Там не стали возражать.

Здесь, в своём рабочем кабинете Болотов, помимо исполнения служебных обязанностей, любил писать очерки о своей жизни в Кёнигсберге. Как он сам упомянул об этом увлечении: «Охота к писанию начинала уже тогда во мне возрождаться, и я производил первейшие тому опыты...». Обычно он вёл дневники, мысленно представляя, что душевно беседует не только с близкими друзьями, но также со своими будущими детьми и внуками, теща себя надеждой, что со временем потомки тоже захотят поговорить с ним, открыв данный труд.

А на досуге поручик предавался чтению книг и занимал-

ся той деятельностью, которую про себя называл «эмпирическими познаниями окружающего мира», и решал прикладные задачи по «изучению живой природы». Подтолкнули его к занятиям наукой, конечно же, близость кёнигсбергского университета – Альбертины, и общение с профессорским составом оного.

Многие офицеры, сослуживцы Болотова, как и сам он, с удовольствием посещали Университет. Лекции по логике и метафизике русским военным тогда читал профессор Фридрих Иоганн Бук, пожилой человек с вечно красным и потным лицом. Частные занятия проводил знаменитый Иоганн Георг Гаман (3) интеллигентный и доброжелательный учёный, ученик Иммануила Канта. А уж математику и фортификацию, пиротехнику и военное строительство преподавал именно он, будущий гений немецкой философии, а пока – скромный приват-доцент. Но всё выдавало в нём человека необыкновенного. Казалось, что в его воображении была вся Вселенная, в которой постоянно рождались новые загадочные миры...

В числе прочих слушателей, получавших знания в Альбертине, значились и такие фигуры, как Григорий Орлов и Александр Суворов.

Болотов, которого за знание немецкого языка определили на ту должность, которую он сейчас занимал, старался тесно общаться со своими армейскими приятелями. С ними он прошёл тяжёлые военные дороги и побывал на полях сра-

жений, из которых особенно запомнилась битва при Гросс-Егерсдорфе (4). А совсем недавно Болотов со своими боевыми товарищами поручиком Непейцыным и капитаном Тригубом, под руководством подполковника Суворова, сына губернатора, участвовали в раскрытии заговора против российской императрицы (5).

Квартира, которую занимал в настоящее время Болотов, была уже четвёртой в пору его пребывания в Кёнигсберге. Предыдущая тоже была неплоха, но добираться от неё до Королевского замка было далеко и утомительно. Такие «прогулки» в Замок и обратно изрядно наскучили Андрею Тимофеевичу, особенно в неласковую осеннюю и зимнюю пору. К тому же, его обитель находилась в одном из «глухих» переулков и выглядела мрачновато. Служащему в канцелярии губернатора, тогда ещё подпоручику, но уже многое повидававшему, естественно, хотелось занять жильё получше. Поэтому он «насел» на плац-майора Платона Невзорова, и не отставал от него до тех пор, пока тот не нашёл ему новую квартиру, кстати, ту самую, которую Болотов сам имел на примете. Армейский поручик, занимавший её раньше, был приятелем Болотова. Как только он отправился в действующую армию, Андрей Тимофеевич, не медля ни минуты, вселился туда.

Итак, поручик Болотов склонился над своими последними дневниковыми записями. Он бегло перечитал свои сочинения, немного подумал и сделал кое-где правки. На альт-

штадской ратуше часы пробили восемь.

«Пора домой», – решил офицер, кликнул слугу, кутившего трубку возле окна в длинном коридоре, и принялся собираться.

Вскоре слуга Болотова Аврам вывел коня для офицера и запряжённую в повозку лошадь, в которой собрался ехать сам.

Дорога до дому была близкой, стоило лишь пересечь подмёрзший к вечеру Альтштадт.

Дом, где теперь проживал Андрей Тимофеевич, располагался вблизи Прегеля. Неподалёку находилась пристань, к которой ежедневно швартовались корабли. Шум от разгрузки судов долетал до окон Болотова, но это ему несколько не мешало, напротив, вливало в молодую душу дополнительную, здоровую энергию. Это был двухэтажный особняк с высоким крыльцом из просмоленных досок, которых не брали ни червь, ни гниль. Над входной дверью, как это было заведено у большинства хозяев, «порхали» белые ангелы, сделанные из обожжённой глины. Кусты под окнами дома танцевали под зябким ветром, раскачиваясь и раскланиваясь в разные стороны. Двор был узок, Болотову приходилось пристраивать своих лошадей и повозку в соседнем, имеющем конюшню. А хозяева-соседи были чрезвычайно милы и любезны.

Как прикинул молодой офицер, от его места службы до дома было расстояние примерно в двести сажень (6).

Вместе со сборами время на дорогу уходило менее четверти часа. Здание стояло на маленькой улочке, по которой, впрочем, было довольно много «ходьбы и езды». По ней часто прогуливались горожане, здесь же торговцы продавали различный товар, словом, было не скучно.

Дом поручику нравился чрезвычайно. Был он невелик, но выглядел довольно красивым и уютным. И главное – в нём было тепло. В распоряжении Андрея Тимофеевича оказался весь верхний этаж – а это две хорошие комнаты и небольшие сенцы. Болотову этого было более чем достаточно. Одну комнату он занимал сам, это была и спальня, и кабинет, в ней так же стоял сундук, заполненный книгами и красками (поручик в свободное время увлекался рисованием), боковую же, гораздо более тесную, отдал слуге и под багаж.

Возле дома был разбит небольшой садик. Когда сойдёт снег и зазеленеет трава, распустятся на ветках плодовых деревьев и клумбах цветы, которые начнут дурманить своим ароматом... Но пока зима не торопилась уступить свои права...

– О, мой Бог! – радушно встретила хозяйка русского постояльца. – Вас, герр Андреас, заставляют на службе находиться допоздна... А молодому человеку необходимо больше свободного времени и общения в приятном обществе...

– Сейчас война, фрау Тиггитс, – войдя в двери и снимая эпанчу, отвечал Болотов, привыкший к неизменной опеке со стороны хозяев дома.

– Война скоро закончится, герр поручик, – нравоучительно парировала фрау Тиггитс. – И поверьте – вам уже пора думать о будущей семейной жизни... Заходите в дом, герр офицер. Ваши комнаты прибраны, раздевайтесь, и ждём вас к чаю...

И правда, обе комнаты были чистенько убраны. Стены и потолки в них были выкрашены в белый цвет, по углам находилось достаточно столиков и стульев для гостей. Ко всему прикоснулась хозяйская рука – и захочешь – не найдёшь ни пылинки, ни соринки.

Что же касается ужина, то радушные хозяева настояли на том, чтобы Болотов столовался непременно у них, а не посылал за таковым в ближайший трактир. Кормили они постояльца хорошо, поручик был весьма доволен, но условился, что будет им за хлопоты платить небольшие деньги из своего жалования.

Вообще, Болотов не мог нарадоваться на свою новую квартиру, как видите, не только из-за благоприятного местоположения и прочих её достоинств, но также из-за самих хозяев оной. Чета Тиггитс были выходцами из Швейцарии. Супруги были, под стать друг другу, невысокими и полными, добросердечными и тихими стариками. Франк Тиггитс был мастеровым человеком, владел ремеслом лаечника (7). Большого достатка он не обрёл, но нравился Болотову как порядочный человек, примерный семьянин и отменный хозяин. Его жена Шарлотта, «добренькая и тихонькая старуш-

ка», проявляла к русскому поручику почти такую же любовь, как к собственным сыновьям.

У них имелись свои дети: два сына, помогавшие отцу, и две дочери, помогающие матери. Семья была на удивление дружной. Дети оказывали родителям должное почтение, кого те были, безусловно, достойны.

Младшая дочь семейства Тиггитс, златокудрая шестнадцатилетняя Марта, безумно нравилась Болотову. Она обладала весёлым нравом, стройной фигурой и, что было ещё более заметно – грациозной походкой. Своими внимательными и немного удивлёнными глазами она также частенько поглядывала из-под полуопущенных ресниц в его сторону. Молодому офицеру так не хотелось, порой, отпускать её от себя, подольше задержать в своей ладони её ручку... Но об этом он пока предпочитал молчать.

Что ещё несказанно удивило и порадовало Андрея Тимофеевича в данном семействе, так это то, что здесь он впервые за период военной службы познал, что такое настоящая «барская постель» – а точнее, почувствовал всю прелесть сна на перине с пуховиком.

Он не раз уже убеждался в том, как хорошо хозяева расположены к своему постояльцу. И чувствовал, что они искренне полюбили его и считали почти родным человеком. Вскоре ему было предложено убрать свою походную постель с наволочками, подушками и одеялами куда подальше, а пользоваться тою, что ему выделяют. Андрей учтиво отказывался,

но хозяева и слушать не хотели. Наконец, поручик сдался и стал обладателем «прекрасной пуховой постели, с чистыми белыми и мягкими подушками, и с прекрасным белым занавесом, размытым и накрахмаленным в прах». Вместо прежнего одеяла стал он накрываться и спать под другим – тонким и мягким. Вскоре поручик понял, что это не так уж плохо, привык и даже полюбил новое ложе. Спать на нём оказалось гораздо приятнее, и просыпался он теперь в прекрасном расположении духа.

Словом, лучших хозяев, да и самого дома, не сыскать было во всём Кёнигсберге. Болотов «жил тут весело, спокойно и во всяком довольствии», ему не было нужды заботиться ни о пище, ни о крове. Но, чем ласковее и услужливее была к нему чета Тиггитс, тем более он старался вести себя степеннее и тактичнее, дабы не потерять сложившееся по отношению к нему доброе мнение.

Поскольку офицер никогда не обедал дома, то ужин, по воле хозяев, они готовили для постояльца сами, избавив его от необходимости посылать поздней порой за таковым в трактир. Кушанья приносили офицеру наверх или приглашали к своему столу. При этом, не забывали покормить и слугу. Мало того, они воспротивились тому, что Болотов пьёт собственный чай, и настояли на том, что будут подавать ему по утрам свой чай со сливками, а по воскресеньям – кофе.

Андрей Тимофеевич в свободные минуты любил побесе-

довать со своими хозяевами. Ему было интересно всё: история, традиции и обычаи населения, ставшего теперь частью российского, и многое другое.

Часто разговоры заводили о Швейцарии, о жизни в швейцарских Альпах и плодородных долинах. Иногда обсуждали насущные проблемы – цены на рынках, строительство новых городских укреплений, налоги... Иной раз вся компания погружалась в философские размышления, благо, Тиггитсы знали, что их постоялец посещает занятия по философии и тяготеет к учению Веймана (8).

Но всегда самой волнующей темой для бесед было положение дел на войне. Вот и сейчас, наскоро поужинав в своей комнате, Болотов спустился вниз, где за столом его дожидались члены семьи Тиггитс, устроившись за чашками чая.

Вернулся слуга. Выслушав доклад о том, что лошади пристроены и накормлены, поручик отпустил своего Аврама на ужин, а сам сел за стол к хозяевам дома. Мельком он оглядел всех: благодушного Франца Тиггитса, лысоватого мужчину с поседевшими на висках остатками волос, крупным мясистым носом и добрым спокойным взглядом. Его супругу Шарлотту, забавно причмокивающую при разговоре и постоянно улыбающуюся, отчего уголки её глаз были густо покрыты морщинками. Двух взрослых сыновей – Густава и Иоганна, парней с приветливыми лицами и крепкими мозолистыми руками. Старшая дочь, Габриела, хлопотала у очага, младшая, Марта – несла поднос с печеньем. Встре-

тившись с нею взглядом, поручик почувствовал, как сильно застучало его сердце... Ещё мгновение, и он не выдержит, выскочит из-за стола и обнимет её...

Но тихий, слегка насмешливый голос Франца, сразу «вернул на место» молодого офицера.

– Скажите, господин поручик, что слышно в ваших кругах? Скоро ли намылят шею старому Фрицу?

Старым Фрицем называли короля Пруссии Фридриха II. Болотов взял в руки маленькую чашку с горячим, ароматным чаем.

– В этом году ему наступит конец, уж будьте уверены, господин Тиггитс. Фридрих потерял почти всю Саксонию и остался практически без армии. Если помните, в ноябре прошлого года он, хоть и разгромил Дауна (9) под Торгау, но потерял при этом половину своего войска. Восполнить такие потери не в состоянии даже он, поэтому будет бегать от нас, как затравленный волк и искать просчёт в действиях противника, чтобы нанести удар...

– Всё правильно, – усмехнулся старый Тиггитс. – Русская армия своё дело сделала. Теперь даже неповоротливые австрийцы смогут добить Фридриха. А нам надо налаживать жизнь здесь, в Кёнигсберге.

– Угощайтесь, господин поручик, – Шарлотта придвинула ближе к Болотову блюдо с печеньем. – Лучше расскажите, что нового в Университете... Как себя чувствуют русские студенты в Альбертине?

– О, превосходно, – улыбнулся Андрей Тимофеевич. – Я знаком со многими из них... Афонин, Садовский, – припомнил он, – Малиновский... Эти молодые люди тяготеют к философии... Насколько вам известно, я тоже грызу гранит данной науки, – он улыбнулся и бросил взгляд в сторону Марты, заваривающей свежий чай. С удовлетворением он отметил, что она тоже смотрит на него, и это прибавило ему задора. Ведь подмечено, что когда компания людей шутит и смеётся, каждый невольно глядит на того, кто ему более симпатичен или кого он считает своим близким человеком.

– Некоторые из них разделяют взгляды приват-доцента Канта... Я же придерживаюсь позиций другого приват-доцента, Даниэля Веймана. Кстати, меня крайне огорчает, что эти два, безусловно, талантливых философа, просто терпеть не могут друг друга...

Марта фыркнула, прикрыв личико фартуком, из-за краешка которого на Болотова взирали лукавые голубые глаза.

– Скажите, господин Тиггитс, – задал вопрос Болотов, с удовольствием прихлёбывая чай, – как обстоят ваши охотничьи дела?

– О, дорогой Андреас, весенняя охота скоро начнётся. Лайки будут нарасхват. Правда, в нашем питомнике завелась одна... нехорошая болезнь. Но мы с моими сыновьями выгоним её, хоть это не просто... Нам уже приходилось иметь с нею дело...

– Я недавно видела господина Андреаса, – вдруг промол-

вила Марта, – он нёс какую-то толстую книгу... И так страстно прижимал её к груди, словно это была его любимая девушка... Что же это за книга, господин поручик?

Болотов таинственно улыбнулся.

– Да, господин поручик, – поддержал дочь Тиггитс, – поведайте нам, что за книгу вы приобрели. По моим наблюдениям, у вас уже скопилась приличная библиотека...

– О, это долгая история...

– А мы не торопимся, – улыбнулся старый Франц, достав трубку и начав набивать её табаком. – Или это государственная тайна?

– Нет, что вы... Дело в том, что в сотне шагов от нас живёт знакомый мне аптекарь. Это – хороший человек, а зовут его Герман. Он уроженец Ревеля, любит читать книги и интересуется науками. Я заглянул к нему как-то, мы прогуливались по саду... В общем, подружились. Однажды зашёл у нас разговор о книгах. Узнав, что я до них большой охотник, он тотчас начал расхваливать одну из них. И, конечно, рекомендовать... Вот я и купил её в книжной лавке.

– А что это за книга? Вы покажете её нам? – одна за другой спросили сёстры.

– Это славное сочинение господина Гофмана (10) «О спокойствии и удовольствии человеческой жизни». Она мне так понравилась, что я постоянно перечитываю её, и чрез то во мне проснулся истинно-философический дух, к тому же она способствует моему прилежанию в овладении знаниями.

– И стоило по такому поводу писать книгу? – усмехнулся Франц Тиггитс, выпуская из ноздрей клубы дыма. – По-моему, спокойствие каждому доброму христианину даст молитва, а удовольствие – хорошая работа!

Глава 2. Краткая беседа с Кантом

В Европе умели и любили воевать. На протяжении многих столетий войны, различающиеся по продолжительности, накалу и разрушительности, с пугающим постоянством вспыхивали во многих уголках западной части континента. XVIII век также вписал в его историю много кровавых страниц. До конца века на территории Европы вспыхнули, по меньшей мере, десяток крупных международных конфликтов, которые унесли более пяти миллионов жизней.

Причины этих войн заключались в том, что в старой Европе становилось тесновато. То тут, то там возникали государства с крепкой экономикой и сильной армией, которые старались расширить границы своих владений и интересов. Так Швеция была потеснена Россией, стремящейся выйти к Балтийскому морю. В Западной же Европе усилившаяся Англия, с её промышленной, морской и колониальной мощью, и захлёбывающаяся слюной от неуклонно растущего аппетита, стремилась навязать прочим странам свою волю.

К середине века Англия превратилась в ведущую экономическую, промышленную и индустриальную европейскую державу. Основные же её соперники – Испания, Франция и Австрия постепенно слабели, и в одиночку не решались противостоять британской короне. С другой стороны, на востоке Европы усилилась Россия, в то время как её соседи,

Швеция, Польша и Турция (11) тоже ослабли.

Сами государства жили в постоянной готовности урвать кусок пожирнее у своего соседа, будь то в самой Европе или в далёких колониях. Поэтому мгновенно вспыхивали конфликты за территории, оказавшиеся без чьего-либо явного покровительства.

Едва закончилась Северная война (12), как началась война за Польское наследство (13). А едва завершилась она, как вспыхнула другая – на сей раз уже за Австрийское наследство (14). В Северной же Америке Англия схлестнулась с Францией (15).

В той или иной мере в некоторые войны оказывалась втянута и Россия. Семилетняя война (16) не явилась исключением. Одним из наиболее сильных государств в Центральной Европе стала Пруссия, во главе которой стоял Фридрих II, получивший впоследствии к имени приставку «Великий». У «короля-солдата», уже захватившего богатую и промышленную Силезию, были виды на завоевание Чехии и Моравии, а в дальнейшем – превращение Польши в вассальный придаток Пруссии.

Поскольку Пруссия «расправляла крылья», Англия, которая до этого поддерживала Австрию в борьбе с Францией, изменила свою позицию, и в 1756 году англичане заключили союзный договор с Фридрихом II. Так сформировалась коалиция двух мощных европейских государств – Англии и Пруссии, и была она направлена против Франции, Австрии

и России.

В этом же году старые противники, Франция и Австрия, примирились и заключили Версальский союзный договор, к которому присоединилась Россия. Таким образом, в Европе сложились две мощные, противоборствующие группировки. Как тут не возникнуть очередной войне? Она и началась в 1754 году из-за делажа американских земель, и в 1756 году всей своей огненной мощью перекинулась в Европу.

Всё началось с воинственной Пруссии, которая в августе 1756 года напала на Саксонию. Русская императрица Елизавета Петровна тут же объявила войну Фридриху. Тот, однако, времени не терял, саксонские земли присоединил к своим, а затем в 1757 году разгромил австрийцев при Лейтене.

Тогда в дело вступила русская армия. Активные действия русские войска начали в том же 1757 году. Перейдя границу с Пруссией, они нанесли ей существенный урон в битве под Гросс-Егерсдорфом. Однако, вместо того, чтобы двигаться далее к Кёнигсбергу, командующий русской армией генерал Апраксин отдал приказ об отступлении. За это он был лишён звания и арестован.

Менялись военачальники русской армии: Фермор, Салтыков, Бутурлин. Но силу русского оружия Фридрих II испытал в полной мере. В августе 1758 года состоялось Цорндорфское сражение. Русские войска одержали победу, несмотря на большие потери.

В июле 1759 года у Пальцига русские войска разгромили прусскую армию.

В августе 1759 года состоялось Кунерсдорфское сражение, закончившееся полной победой русско-австрийских войск.

Наконец, в октябре 1760 года русские войска овладели Берлином, являвшимся тогда столицей Пруссии.

В настоящее же время русские войска не вели активных боевых действий, предоставив это право французам и австрийцам.

Здесь же, в Кёнигсберге, после трёх лет «покорения», Россия уже чувствовала себя заботливой хозяйкой. Повсеместно действовали трактиры, рынки, ремесленные мастерские, строились дома, чеканилась своя монета. В промышленных размерах добывались зверь, рыба и янтарь. В помощь генерал-губернатору, управляющему Восточной Пруссией, пришли местные чиновники, знающие и уважаемые люди. Работали Университет, храмы и кирхи, суды и биржи, госпитали и приюты для сирот и бедноты.

Прибывшие из России офицеры отмечали, что Кёнигсберг выстроен нисколько не хуже Москвы, поскольку здесь имеется множество красивых домов, памятников искусства и старины. Всего же зданий насчитывалось не менее четырёх тысяч, а жителей около сорока тысяч. И всё это, несмотря на то, что полвека назад здесь свирепствовала ужасная чума, унёсшая четверть населения города.

В будни Кёнигсберг казался торопливым и малолюдным, но, когда наступали ярмарочные дни, множество народу выходило на улицы и впечатление «нелюдности» тут же исчезало. Река Прегель, которая протекала через город, неширока, всего 25 сажений, зато так глубока, что большие купеческие суда следовали по ней прямо из моря. В округности же город занимал приблизительно 15 вёрст.

В городе было разбито много больших и малых садов, парков и скверов, в которых охотно прогуливались местные жители. Здесь повсюду поражали своим великолепием старинные скульптуры и барельефы, прекрасно оформленные внутренние дворики жилых зданий, красивые, витые чугунные решётки и скамейки, цветочные клумбы. Болотов сам охотно любовался по весне такими видами из окна дома, и часто совершал прогулки, присматриваясь к гражданам. Ремесленники и торговцы, художники и учёные с удовольствием отдыхали на чистом воздухе после трудового дня. Горожанину незачем было выезжать за пределы столицы, чтобы побыть наедине с природой, деревья же значительно оздоравливали царящую в Кёнигсберге атмосферу «каменного мешка».

В городе было множество кирх, чьи остроконечные крыши со шпилями, казалось, хотят проткнуть небо. А при виде огромного Кафедрального собора, расположившегося на острове Кнайпхоф, у поручика порой захватывало дух. Он неоднократно бывал в нём, осматривал древние доспехи

и оружие, шлем герцога Альбрехта (17), боевые и трофейные знамёна. Порой они навевали ему странные мысли. Казалось, образы прошлых лет, духи воинов-рыцарей покидают свои склепы и выходят в наш мир, снисходительно посмеиваясь над сегодняшней безмятежной, тихой и спокойной жизнью, пропитанной мирным духом просвещения, а не войны.

Довелось Андрею Тимофеевичу тщательно обследовать и Королевский замок, расположенный на берегу Прегеля, на небольшом возвышении. Некогда могучая крепость превратилась в старинный дворец. Группа российских офицеров, в число которых входил и наш герой, с интересом осматривала цейхгауз и знаменитую Серебряную библиотеку, от которой сохранилось два десятка старинных фолиантов, окованных серебром. В Замке на них произвёл впечатление обширный Зал Московитов, названный так ещё герцогом Альбрехтом в честь московского посольства, остановившегося тут. В длину Зал достигал более 160 шагов, в ширину – 30. Свод его был сведён без столбов, в центре стоял старинный восьмиугольный стол, как узнал Болотов, ценою в 40 000 талеров.

Будучи приписанным к Архангелогородскому полку, Андрей Болотов, «осел» в канцелярии, и в боевых походах более не участвовал. Случалось, командир полка обращался с рапортами к высокому армейскому руководству с просьбой отпустить офицера из «штабистов» в полк, но тогдашний губернатор генерал Корф неуклонно ему отказывал, не же-

лая расставаться с толковым переводчиком, коих в канцелярии катастрофически не хватало. И предусмотрительно делал запрос в Петербург о том, чтобы из столицы выслали в Кёнигсберг знатоков немецкого языка. А когда те приезжали, то губернатор проводил с ними довольно жёсткий экзамен, в результате которого, «забраковывал» присланных студентов. Последние продолжали обучение в Кёнигсбергском университете, ибо взять кого-либо из них на место Болотова в канцелярию, Корф просто не желал.

Болотов подружился со многими прибывшими из России студентами, а через них обрёл знакомства с профессурой Университета. Немногим позже Андрей Тимофеевич получил официальное разрешение начальника канцелярии на посещение лекций в Альбертине.

Как известно, и новый губернатор Кёнигсберга Василий Иванович Суворов, прибывший в Кёнигсберг в самом начале 1761 года, был расположен к Болотову, потому тоже старался удержать его «при себе».

Сам Андрей Тимофеевич не только стремился к наукам, но был горазд и к работе руками. Он самолично смастерил «фонтанную галерею», состоящую из множества трубок и насоса, подающего воду в маленькие фонтаны. Эта игрушка немало забавляла как друзей Болотова, так и хозяев его дома. Один из фонтанов молодой поручик специально искривил так, чтобы струя воды, выбрасываемая им, летела в сторону. А поскольку вся конструкция располагалась у ок-

на, то этот фонтан брызгал на улицу, на голову прохожим.

Кроме этого, Андрей Тимофеевич сконструировал собственный «прошпективический ящик». Как-то, во время прогулок по городу, его заинтересовала демонстрируемая жителям «камера-обскура» (18), заглядывая в которую, зрители могли созерцать необычную картину «в перспективе». Для подобного эффекта необходимо было иметь специальные линзы и, конечно, соответствующие картинки. Линзы он приобрёл у знакомого торговца, старика Генриха, частого гостя в кабачке «Усы сома», а картины нарисовал сам, благо, бумага и краски всегда были под рукой.

«Прошпективический ящик» получился на загляденье! Все без исключения зрители, а таковых оказалось немало, восторгались увиденным, к вящему удовольствию Болотова. Разумеется, более всего его интересовало мнение хозяйской дочери, и Марта с милой улыбкой заявила ему: «Это восхитительно, господин Андреас!» Но не более того...

Однако построенные Болотовым фонтаны и «прошпективический ящик», хоть и имели успех у зрителей, у самого него вызывали лишь добродушную усмешку. «Детские забавы», – говаривал он о своих конструкциях. – Вот если бы смастерить что-либо действительно стоящее, нужное и полезное людям! Да чтобы это изделие воплощало новейшие достижения науки!»

Поэтому больше всего Андрей Тимофеевич стремился в Университет, где можно было и восполнить знания, и обо-

гатиться свежими идеями. Кёнигсбергская Альбертина славила на всю Европу. Однако, эта известность не избавляла её от средневековой отсталости. До сих пор в Альбертине действовал университетский статут 1546 года, а также старая королевская привилегия 1560-го. Финансирование Университета осуществлялось плохо – от налогов с городского округа Фишхаузен (19) и пары «университетских» деревень. Жалование профессоров и доцентов было столь незначительно, что многие из них давали частные уроки. Недаром среди профессорского состава Альбертины бытовала поговорка: «Идущий в Кёнигсбергский университет дает обет бедности» (20). И всё же, здесь трудилось много достойных учёных мужей, а уж об обилии студентов-буршей говорить не приходится. В те времена Академия всё ещё располагалась на острове Кнайпхоф, хотя ей давно уже пора было подыскивать более просторные помещения и более удобное местоположение.

Болотову, как, впрочем, другим русским студентам и офицерам, слушающим лекции сухошавого и сутулого приват-доцента Иммануила Канта по пиротехнике и фортификации, гораздо более интересно было внимать его рассуждениям, как философа. Идеи Канта, проскакивающие в сухих докладах, которые он читал тихим, бесцветным голосом, нередко оказывались подобны искрам, которые тотчас зажигали огонь дискуссий. Так, на одной из лекций была высказана мысль о том, что у человечества имеются всего два пу-

ти: вечный мир или вечный покой на кладбище. Это вызвало бурное обсуждение, к удовольствию самого приват-доцента, которому льстило внимание студентов к его научным размышлениям.

Так, в конце зимы, разгорячённый спором между русскими студентами, который разгорелся из очередной фразы Канта, Болотов решился подойти к нему лично.

Приват-доцент встретил его в своём кабинете. Был он невысок (152 см роста) и худощав, носил аккуратный парик, одевался в серый сюртук. Казалось, внезапное появление молодого русского офицера не смутило и не удивило его.

– Имею честь засвидетельствовать своё личное почтение..., – произнёс Болотов, глядя в большие, светлые глаза Канта. Былая уверенность как-то слишком уж быстро покинула его, и причина, из-за которой он осмелился зайти в кабинет приват-доцента, тоже где-то затерялась.

– Присаживайтесь и будьте как дома, – пригласил философ. – Хотите кофе? Я сам люблю кофе, но предпочитаю чай. Своим же гостям я непременно предлагаю именно кофе.

– С удовольствием, – ответил Болотов, но же с грустью подумал: «Интересно, захочет ли он угостить меня чем-то, после нашего с ним разговора?..»

Кант сложил стопку из нескольких книг и оставил их на краю деревянного, выдавшего виды, стола.

– Я слушаю вас. Вы ведь служите в канцелярии нашего губернатора. Приятно сознавать, что и военный человек про-

являет интерес не только к своему непосредственному делу, но и желает больше узнать об окружающем мире...

Голос философа был тихим, но губы его дрогнули в улыбке. Он сам не спеша приготовил кофе гостю, который, наконец, набрался решимости.

– С раннего детства я страстно полюбил чтение, – начал Болотов. – Мною даже собрана немалая библиотека по краеведению, агрономии и ботанике, а также иным естественным наукам и философии. Пусть военная служба порой и затрудняет для меня живое общение с просвещёнными и умудрёнными опытом людьми, но, если я остаюсь один на один с книгой, то никогда не чувствую себя одиноким!

Брови над глазами его собеседника резко взметнулись вверх.

– Да, книга заставляет нас думать, переосмысливать и сочувствовать... Читать полезно в любое время дня или ночи. *Alit lectio ingenium* (21). Это дисциплинирует наш ум, обогащает его знаниями, стимулирует память и творческие способности. Серьёзное чтение – неторопливое и важное занятие, точнее заметить – труд. Но на каждый час чтения, должно приходиться не менее двух часов обдумывания, только тогда от него будет максимальный прок.

– Я всё прекрасно понимаю, уважаемый господин приват-доцент. Кроме того, и сам пытаюсь делать некоторые выводы, даже веду дневниковые записи, кои считаю существенными для последующей моей практической и хозяйственной

деятельности. А, возможно, немаловажными и для потомков...

Кант понимающе кивнул головой.

– Мне знакомо нетерпение молодости, господин офицер, жажда познаний, исследований и открытий. В ваши годы я сам был таким же кипучим, теперь же стал намного сдержанней в словах и желаниях. У меня появилось правило: сначала смотри на самого себя и внутрь себя, а лишь затем – вокруг себя! Тем не менее, любые neprazdnye размышления полезны. Правда, один глядит в окно и считает ворон, а у другого при этом в голове происходят удивительно важные и интересные процессы. Только вот не каждому дано положить их на бумагу: ведь исписать белый лист всё равно, что истоптать первый снег! Жалко и страшно... Не всем дано, но многим хочется донести до других людей свои мысли. Я не первый, кто считает, что творческие изыскания – самое большое наслаждение в жизни. Они сближают нас не с одним человеком, как, например, в любви, а сразу со многими. – Кант задумчиво взглянул в узкое окошко, единственный источник света, если не были зажжены свечи. – По моему мнению, хорошо писать так же непросто, как печь добрый хлеб: тяжело и хлопотно, но нужно и крайне важно – ведь всё это даёт кому-то силы, поддерживает и питает чью-то душу. Однако, если отнестись к данному занятию недобросовестно, то можно отравить своего читателя или, в лучшем случае, вызвать несварение... Да и сам писатель похож на пекаря: он заме-

шивает память с воображением, раскатывает тесто сюжетов, а потом лепит из него хлеба по своему образу и подобию...

Болотов начал чувствовать себя увереннее.

– Вот вы, господин приват-доцент, насколько мне известно, все свои силы отдаёте служению науке. Но человек должен понимать, для чего он так много трудится. Грандиозные идеи, это – очень хорошо. Но как же маленькие мелочи, которые так радуют и улучшают настроение? Ведь необходимо помнить и об отдыхе, чтобы не подорвать здоровье и не остаться вовсе без средств. Тем более, в здоровом теле – здоровый дух.

– Начитались Гофмана! – усмехнулся Кант. – А покой в душе, несомненно, зависит от порядка в голове! Ничто земное, мой друг, мне не чуждо, и, поверьте, я умею радоваться жизни. Правда, во главу угла всегда ставлю самодисциплину и неукоснительное соблюдение распорядка дня. Иначе невозможно достигнуть намеченной цели: *Ad augusta per angusta* (22).

– Ваши слова следует начертать на стенах университета, – промолвил молодой офицер, – а то в нашем гарнизоне большинство вольных слушателей только стенают об упущенном времени, как будто их постоянно отрывают от чего-то исключительно важного, а сами с чрезвычайной леностью относятся к своей службе и досугу. Ваш пример величайшей собранности станет для них весьма поучителен...

– Прошу вас, угощайтесь кофе, – Кант широко улыб-

нулся, протягивая русскому офицеру изящную чашку. – Но вы напрасно считаете, что выдающиеся идеи рождаются только благодаря способности максимально сосредоточиться. На деле нередко оказывается, что и при отвлечении внимания может произойти озарение – прорыв, необходимый для поиска правильного решения. Когда вы утомлены и вряд ли способны мыслить ясно, в голове чаще всего рождаются новые идеи... Нечто подобное происходит у меня, порой, и во сне...

Андрей Тимофеевич пригубил ароматный напиток и изящным кивком головы выразил восхищение его вкусом.

– У каждого человека есть яркие или необычные случаи в жизни, которые научили его многому, причём, гораздо крепче и основательнее, чем книги или лекции. Дело в том, что эти конкретные примеры окрашены его собственными переживаниями и размышлениями. Именно из таких эпизодов, бесчисленных бесед и раздумий, из отдельных наблюдений, ошибок и удач складывается индивидуальный опыт – главное богатство всякого учёного человека. Так было и так будет всегда. Вы согласны со мной?

– Конечно, – согласился учёный. – Но только любые наши выводы, обобщения и предположения являются всего лишь гипотезами, которые подкреплены определенным набором фактов. Наилучшей является та теория, которую подтверждает большинство фактов. Но даже и такое мнение никогда не является окончательным, и не заслуживает безусловной

веры: вероятность не есть очевидность. Даже перед самой внушительной научной статьей следует снять шляпу, но никак не голову. Единственной защитой от ошибок является здравый смысл. Но полностью избежать казусов в наших рассуждениях невозможно, поскольку изыскания и последующие умозаключения делают люди, а человек, как известно, слаб. К тому же причиной неправильного вывода может оказаться не только логическая погрешность, но и более земная причина... Ведь исследователем порой движет не только похвальное и естественное человеческое любопытство. У него может быть ещё какой-то дополнительный, посторонний мотив, например, обида, зависть или алчность. Эти противоположные интересы могут вступать в конфликт друг с другом, и тогда результат будет зависеть уже не обязательно от того, как обстоит дело в действительности, а того, чего хочет данный исследователь. Но даже в тех случаях, когда созерцатели руководствуются исключительно чистыми и честными интересами – познать истину и принести пользу людям, полученные по всем правилам доказательной науки результаты, могут вводить нас в заблуждение. Также не стоит забывать о роли провидения и влиянии некоторых всеобщих метафизических законов природы...

– Что вы имеете в виду? – оживился Болотов.

– Наш рассудок обычно сам же и предписывает природе её законы. Дело в том, что мир познается нами только в своих являемых формах, которые суть построения нашей ум-

ственной деятельности. Помимо нашего представления они вообще не существуют. За явлениями, доступными опыту, находится мир предметов «самих в себе», познать который мы не в состоянии. А мы имеем дело только с нашими представлениями, лишь являющимися нам как объекты. Но образ и понятие – это совершенно разные вещи. Пространство и время, которые мы также воспринимаем в опыте, субъективны, то есть они – наши суждения и не существуют сами по себе. Так что всё без исключения, даже самих себя, мы знаем лишь как явления, а не как «вещь в себе»... На данную тему я могу говорить сколь угодно долго, но тогда у нас получится не дружеская беседа, а скучная лекция.

– Действительно, – Болотов непроизвольно почесал затылок, – сказанное вами требует некоторого осмысления... Быть может, мы прежде обсудим вопросы, более соответствующие моему складу ума и уровню знаний? – засмутился он.

В глазах Канта сверкнула весёлая искорка.

– Вы верно слышали расхожую фразу: «кто чего боится, то с ним и случается». Это – закон притяжения, означенный ещё в невероятной временной дали мудрым Гермесом Трисмегистом на изумрудных скрижалях. Я согласен с ним в том, что, думая о чём-то постоянно, мы посылаем сигналы во Вселенную, на которые она реагирует, притягивая к нам то, о чём мы мыслим. Чтобы привлечь в свою жизнь желаемое, необходимо сосредоточиться имен-

но на этом, а не на том чего вы не хотите. Вы замечали, что чем больше какой-то человек плачется – тем больше имеет того, на что он жалуется. И чем сильнее и ярче его чувства, тем быстрее всё происходит в его жизни! Подобное притягивает подобное. Кто много говорит о болезнях – тот их и получает. А кто размышляет о благоденствии – тот и живёт в процветании. Каждый из нас должен осознать, что всё, что у него сейчас есть – это результат того, что он сам к себе сознательно или подсознательно притянул. В том числе и все те вещи, на которые он сетует. Мы всегда получаем то, о чём думаем, а верим в это, или нет – совершенно не важно. В каждом из нас заключена бесконечная сила Вселенной, и она действует по своим законам и правилам...

Эта короткая беседа многое дала Болотову. Являясь приверженцем Веймана, считающегося противником Канта, он много переосмыслил в своей позиции по отношению к последнему. И стал задумываться: почему там, в России образованные люди так далеки от философских страстей?

Глава 3. Размышления об электричестве

Большинство русских студентов, которые обучались в Альбертине, предпочли факультет философии. Но, помимо самой философии, здесь немало внимания уделяли и естественным наукам. В «царстве» метафизики, нашлось немного места и самой физике.

Под изучение физики в Альбертине было выделено несколько небольших помещений с окнами на Прегель, который нёс свои воды тут же, под стенами Университета.

Никита Богомольцев, один из петербургских студентов, смышлёный парень гренадёрского телосложения с густой шевелюрой, с удовольствием посещал лекции по физике, которые читал приват-доцент Михель Коль. А поскольку Никита приятельствовал с Болотовым, то и Андрею Тимофеевичу он немало рассказывал о последних достижениях этой науки.

– Ты, Андрей, большой выдумщик и мастер на все руки, – как-то в трактире «Усы сома», куда приятели заглянули на «вечернюю кружку пива», поведал Никита. – У тебя полным-полно всяческих хитроумных приспособлений и инструментов. Видел я твои фонтаны и «прошпективический ящик» ... А сможешь ли ты построить электрическую машину?

– А это что за штукавина? – удивился Болотов, сразу отметив про себя, что идея очень неожиданная. – Неужели, та самая, что производит электричество? Но зачем она тебе?

– О-о, – хитро усмехнулся Богомольцев, отхлёбывая тёмное альтштадское пиво с белой пеной. – Умные люди с его помощью творят чудеса! Но это – только начало! Чем больше наука будет уделять внимания этому феномену, тем больше нужных и полезных вещей придумает человечество!

– Скажи на милость, – Болотову было неловко признаться, что об электричестве он знает лишь понаслышке. Мол, существует такое явление, но оно пока мало изучено... – И о чём вам рассказывают университетские светила?

– Если ты закажешь мне жареных колбасок и ещё одну кружку пива, то, так и быть, поведаю! – притворно важничая, заявил Богомольцев.

Болотов подозвал кельнера, пожилого мужчину в чистом сюртуке и белой салфеткой на руке, и сделал ему заказ.

– Вот, теперь я вижу, что ты не на шутку заинтересовался! – весело воскликнул Никита, потирая руки.

– По правде говоря, – ответил Андрей Тимофеевич, – я ожидаю услышать от тебя нечто действительно стоящее... Я и сам давно хочу сконструировать что-то подобное. Но не для увеселения публики, разумеется, а для определённой пользы людям.

Нынешним вечером народу в трактире собралось порядочно. Шумные разговоры иногда перекрывались звуками

скрипки – юные исполнители, брат и сестра Апфель – Георг и Элиза, как обычно, услаждали слух посетителей своей музыкой.

Когда тарелка с дымящимися колбасками появилась перед Богомольцевым, а рядом с нею возник редут из трёх кружек с пивом, студент не смог сдержать радостных эмоций:

– Всё! Теперь я – твой! Спрашивай о чём угодно!

И поведал переводчику канцелярии губернатора Восточной Пруссии об удивительных вещах (о некоторых, впрочем, тот уже слыхивал, но большей частью речь шла о том, что для него на данный момент оставалось тайной).

Первооткрывателем электричества считается древнегреческий философ Фалес. Задолго до Рождества Христова он заметил, что янтарь, по-гречески – «электрон», если его потереть о ладонь, притягивает к себе волосы и легкие материалы, например, пушинки и древесную стружку. Долгое время люди только наблюдали за этими явлениями, да удивлялись наличию искр в шерсти кошек.

Но почти два столетия назад английский физик и придворный врач королевы Елизаветы, Уильям Гильберт (23), с помощью хитроумного «версора» показал, что способностью притягивать соломинки обладают также алмаз, сапфир, карборунд, опал, аметист, горный хрусталь и сланцы, которые он назвал «электрическими» минералами. Кроме того, он установил, что магнит всегда имеет два полюса – северный и южный. Одноимённые полюса отталкиваются, а разно-

имённые притягиваются. Однако, распиливая магнит, нельзя получить вещицу только с одним полюсом. Гильберт также подметил, что пламя уничтожает электрические свойства тел, приобретённые ими при трении, а все железные предметы, под влиянием магнита, приобретают схожие свойства, поэтому природный магнетизм можно усилить с помощью железной арматуры.

В прошлом веке наблюдения Фалеса и Гильберта были уже подробно изучены некоторыми учёными. А немецкий физик Отто фон Герике (24) создал первый в мире электроприбор. Его работа была опубликована в 1672 году. В ней он описал своё изобретение. Электрическая машина представляла собой большой шар, изготовленный из серы, закреплённый на железной оси. Герике, вращая шар вокруг оси, наэлектризовывал его ладонью руки. Позже другие учёные заменили шар стеклянной трубкой, вращающейся с помощью педального механизма. Эта трубка натиралась уже не ладонями, а кожаными подушечками, отделанными конским волосом. С помощью проводящих столбиков эти подушечки соединялись с землёй. А ещё позже, уже в наше время трубка была заменена более удобным стеклянным диском.

– Теперь мы знаем, – увлечённо говорил Никита, – что некоторые материалы, например, металл и вода, по отношению к электричеству являются проводниками, а другие, например, стекло, – непроводниками.

Болотов, забыв про пиво, внимательно его слушал.

– Пятнадцать лет назад, – продолжал Богомольцев, – был изобретён аппарат, способный накапливать электричество! Это – так называемая «лейденская банка», соорудили её двое учёных независимо друг от друга. Это голландец Питер ван Мушенбрук со своим учеником Кюнеусом, и немецкий физик Эвальд Георг фон Клейст. Кстати, последний своё изобретение назвал «медицинской банкой»!

– Интересно, почему?

– Видимо, хотел использовать её в медицинских целях...

– Но как?.. Это же чрезвычайно интересно и важно!

– Доказано, что электричество... воздействует на наше тело. опыты с лейденской банкой показали, что электрический разряд вполне может убить человека. Я уж не говорю о грозовой молнии, хотя, достичь такой мощи, как молния, нам не скоро ещё удастся...

– Значит, ты считаешь, что слабое... электричество может благотворно влиять на живых существ? Впрочем, а почему бы и нет: ведь ещё величайший врач древности Парацельс говорил, что малая доза превращает любой яд в лекарство и наоборот!

– Не только считаю, но даже утверждаю! И на растения, и на животных, и... на людей! Важно только знать его величину и... правильно выбрать место воздействия. Но для этого нужны опыты, много опытов... а вот самой установки у нас пока нет...

Болотов достал трубку и принялся набивать её табаком.

Богомольцев с жадностью набросился на жареные колбаски. В зале продолжала играть тихая музыка.

– И что же, – закуривая, спросил Андрей Тимофеевич, – медицина не против воздействия на тело человека слабых электрических разрядов? А церковь?..

– Профессор медицины Пауль Майбах надеется, что электричеством можно лечить людей! – ответил Никита. – Создав такой аппарат, мы впишем в историю медицины новую страницу!.. Что же касается церкви, то священнослужители по своему обыкновению всё, что касается электричества, считают чертовщиной.

Болотов хорошо знал упомянутого профессора, невысокого доброжелательного и аккуратного человека, уже пожилого, но ещё довольно бодрого. Как рассказывали, тот оставался вежливым и искренним даже в разговорах с мошенниками, что часто помогало избежать неприятностей, поскольку злоумышленники сами рассказывали ему о своих коварных планах... Майбах в январе приезжал к губернатору, резиденция которого находилась в Королевском замке, когда тому занедужилось, и с честью выполнил свою работу. Хоть и смешно признаться, особенно в наш просвещённый восемнадцатый век, но на Василия Ивановича Суворова была наведена порча, причём, исходила она от тайной масонской организации, пустившей цепкие и глубокие корни в Кёнигсберге, и руководимой непосредственно прусским королём Фридрихом II.

Старый Фриц в своих коварных замыслах пошёл ещё дальше. Не имея возможности победить Россию на полях сражений, он выбрал другой путь: погубить императрицу Елизавету Петровну, зная, что после неё российский престол займёт Пётр III, готовый вернуть своему кумиру всё завоёванное Россией в настоящей войне.

Но, сбудутся ли его планы или им помешают действия, предпринятые русскими офицерами, покажет время. Однако, то, что именно профессор Майбах заинтересовался «электрической медициной», уже говорило о многом. А Никита... Парень толковый и добрый, но с ним вечно что-нибудь случается. Он склонен к опозданиям и частым падениям, так что никто уже не удивляется тому, что он, как минимум, два раза в месяц, ходит прихрамывая. К тому же этот приятель частенько принимал поспешные решения, мобилизуя все силы на достижение цели, не имеющей никакого рационального объяснения.

– Идея заманчива, – согласился с собеседником Андрей Тимофеевич. – Но прежде... мне бы хотелось ознакомиться с работами тех, кто уже внёс свой вклад в развитие этой науки...

– Разумеется, дорогой друг! – Никита был настолько воодушевлён, что залпом осушил целую кружку пива. После этого он говорил, уже слегка запинаясь. – У нас в библиотеке имеются работы Герике, Бозе, Винклера, а также Хоксби, Клейста, Мушенбрука! Представь, мы создадим накопитель

электричества, который будем заряжать как от сконструированных нами электрических машин, так и от молнии... Да-да, и такие способы тоже есть! Затем мы сможем использовать полученное электричество в самых благородных целях! Например, в медицине или земледелии...

– Ты завтра сможешь доставить мне эти работы, Никита? – Болотов уже загорелся новой идеей.

– Конечно. А если тебе понадобятся помощники, мы все, российские студенты Альбертины, к твоим услугам!

– Это – прекрасно! – Андрей Тимофеевич вдруг почувствовал, что тоже изрядно голоден.

Весь следующий день в канцелярии кипела обычная рутинная работа – приносили и уносили кипы документов, которые нужно было рассмотреть, согласовать и определить их дальнейший ход. Болотову, как переводчику, тоже некогда было расслабиться: следовало вникать в приказы и распоряжения, просьбы и ходатайства, сметы и счета, а также множество других, важных и не очень, бумаг. Работы было много: кроме дел, не связанных непосредственно с войной, генерал-губернатору были поручены все находящиеся в Восточной Пруссии войска.

Через тонкую перегородку от «владений Болотова» сидели остальные члены канцелярии, к которым недавно присоединились двое – поручик Козлов Савва Константинович, с коим Болотов, скорее, приятельствовал: тот был прост

и толст, как бочонок с альтштадским пивом, но человек душевный и честный. Другой же был корнет Наседкин, тот каким-то образом вышел в офицеры из полковых писарей. С ним Андрей Тимофеевич был знаком мало, да и характерами они очень разнились. Словом, дружбы промеж ними не было.

В процессе работы с документами пришлось отвлечься на ещё одно занимательное мероприятие. Дело в том, что молодым людям, помимо прочих увеселений, кои те находили в городе, захотелось самим поставить театральное представление. Работавшая в Кёнигсберге труппа уехала выступать в другие города, и театра с началом весны не стало. Красивого же зрелища хотелось всем. Поэтому наиболее деятельная часть русских горожан, а именно – Григорий Орлов, Василий Зиновьев и Пётр Думашнев решили поставить трагедию «Демофонт», и стали подыскивать актёров. Одна из ролей досталась Болотову...

Когда основная работа в канцелярии закончилась, а небо за окном изрядно потемнело, к Болотову зашёл Никита Богомольцев. Не просто заглянул, а принёс с собой несколько аккуратно перевязанных синей тесьмой книг. Выглядел он, словно именинник – сиял, да и только, а рот был разинут до ушей в благодушной улыбке.

Больше двух часов молодые люди разбирались в доставленных книгах, спорили, делали пометки для себя на листах

бумаги, словом, «входили в тему».

Болотов изучил устройство «лейденской банки» – обычной стеклянной посуды, с внешней стороны к которой прикреплялся свинцовый лист, а с внутренней – засыпалась дробь. Через крышку продевался провод, касавшийся дробинок. Другой провод цеплялся за свинцовый лист. Никита объяснил, что на обоих металлических проводниках скапливаются электрические заряды, которые имеют положительные и отрицательные значения. Стекло не даёт им соединиться, иначе мгновенно произошёл бы разряд. Количество накопленного электричества зависит от площади проводников и толщины разделяющего их непроводника. Однако, вечно храниться в банке оно не может, поэтому разряд всё-таки происходит, но в этом случае он протекает гораздо медленнее и слабее.

Кроме того, Андрей Тимофеевич узнал, что изучением электричества занимаются и в Петербурге. Например, Михайло Ломоносов и Георг Рихман изучали атмосферное электричество, которое проявляется грозowymi разрядами. Они соорудили «громовые машины» – металлические стержни, которые вынесли на крышу дома и соединили проволокой с измерительными приборами. Несколько лет назад (в 1753 г.) во время одного из наблюдений Рихман был убит молнией. Ломоносов же продолжает исследования и уже создал свою концепцию электричества – эфирную.

А вот и новая работа Франца Теодора Эпинуса (25), напе-

чтанная в Петербурге в 1759 году! Она называется «Опыты теории электричества и магнетизма». В ней учёный установил связь между электрическими и магнитными явлениями. Кроме этого, он применил математику для описания электрических явлений.

В общих чертах Болотов вник в эту интереснейшую тему. Он понял, что электрическую силу создают некие мельчайшие «искры», так называемые заряды, положительные и отрицательные. Вокруг каждого заряда возникает небольшое «эфирное пространство» – электрическое поле, заметить которое человеку невозможно. Но оно воздействует на другие заряды – одни притягивает, другие, напротив – отталкивает. Как два полюса магнита – разноимённые – притягиваются, а одноимённые отталкиваются. «...Причём с невероятной силой! – размышлял на досуге молодой поручик. – Попробуйте соединить два однородных полюса магнита и убедитесь, что это просто невозможно! Поразительная сила начинает вам сопротивляться. А что, если эту загадочную мощь попытаться использовать во благо людям?.. Пусть она крутит колёса экипажей и телег, поднимает тяжести, исцеляет больных! И в военном деле от неё мог бы быть большой прок. Например, можно создать кирасу или шлем, которые станут „отводить“ от солдат пули и картечь. Или придумать магнитные щиты, чтобы „разворачивать“ пушечные ядра или даже отправлять их обратно в стан врага» ... Между магнитными и электрическими полями много общего. Даже

доказано, что одно из них может породить другое.

А лечение электричеством практиковали ещё в далёкой старине. В качестве вещества, несущего на себе электрические заряды, брали натёртый шерстью стеклянный шар или янтарь. Электрическое поле, возникающее вокруг этих предметов, благотворно влияло на лечение различных недугов. Если же применить слабенькие электрические разряды, то можно восстановить утраченную по каким-либо причинам работу мышц, вернуть им прежнюю силу. Но, кроме этого, древние медики лечили электрическим полем и другие заболевания, вплоть до обычной простуды.

– Так вот, почему профессор Майбах проявил такой интерес к электрическим машинам, – понял Болотов.

– Да, друг мой, – ответил Богомольцев. – Но я уверен, что электричество поможет не только медикам, но и тем, кто занимается земледелием. Например, оно может пригодиться растениям для их лучшего роста и цветения, позволит избавляться от сорняков и вредителей...

– Воистину, возможности электричества безграничны, – пробормотал Болотов.

– Вот давай и сооруди аппарат, который позволит нам провести ряд опытов. Нам понадобится сама электрическая машина, а также накопитель электричества, вроде «лейденской банки» ... Я сказал «накопитель»? Нет, накопители!

На другой день Болотов выкроил немного времени из своего рабочего распорядка, и сел за чертежи. Книги с рисунка-

ми и пояснениями были у него под рукой. Накануне ночью он много думал над этой темой.

Электрическая машина... Можно соорудить нечто, подобное тому, что уже используется. Чертежи и устройство такой машины описаны в работах, принесённых Никитой Богомольцевым... Стекланный диск и педальный механизм – тут нужно подумать. Видимо, от размеров диска и скорости его верчения зависит количество вырабатываемого электричества... А накопитель? Что-то вроде «лейденской банки». А что там у Эпинуса?.. Малопонятные значки-закорючки, описывающие электрические процессы. Но в них нужно потрудиться вникнуть, нельзя идти одним лишь эмпирическим путём...

После обеда Андрей Тимофеевич вознамерился пойти в Альбертину. Он заготовил целый список непонятого им по теме электричества и надеялся, что беседа со знающими людьми прольёт свет на те моменты, которые пока были закрыты тенью его невежества.

Он посторонился, давая пройти мимо него по тесному коридору нескольким студентам, и поднялся на второй этаж. В Университете чувствовалась сырость и прохлада. Но весна уже успела заглянуть и сюда.

– Господин офицер кого-то ищет? – голос Болотову показался знакомым. А вот и сам его обладатель – маленький человек в простеньком парике, стареньком сюртуке и с тростью. Сам Кант!

– Приветствую вас, господин приват-доцент. Я ищу аудитории, занятые под физику. А также приват-доцента Коля, – учтиво поклонился офицер.

– А, это вы, молодой человек, – улыбнулся Кант, узнав поручика, с которым недавно имел непродолжительную беседу. – Всё спешите куда-то... У вас вид, словно вы одержали победу над Фридрихом Великим! Позвольте же узнать, что вас так обрадовало?

– Идеи, господин приват-доцент. Новые идеи и неуёмное желание их воплотить в жизнь!

– Как это прекрасно, – одобрительно улыбнулся Кант. – Деятельность – это наше определение. Вы рвётесь к новым знаниям, ибо человек не может быть никогда совершенно доволен обладаемым и всегда стремится к приобретениям. И хорошо, если это обладаемое – знания... Ведь совершенно не стыдно чего-либо не знать, зазорно не иметь тяги к учению.

– Признаться, у меня постоянное желание приумножать знания... Возможно, на склоне лет я уже не буду так гоняться за желаемым...

– Э, нет, мой юный друг. Обычно смерть застает человека на пути к чему-нибудь, что он страстно желает иметь. Если Бог даст вам всё, чего вы хотите, то вы в тот же момент поймёте, что это всё – ещё не всё!

– Да, пожалуй, так оно и случится...

– Поэтому в нынешней жизни мы не видим этому конца

и уповаем, что в будущей сей узел будет развязан.

«Будущая жизнь! – мелькнуло в голове у Болотова. – Дай Бог, в этой жизни решить правильно все вопросы, дабы в будущей не было совестно...»

Глава 4. Теория и практика электрической материи

Приват-доцент Михель Коль был грузным мужчиной с круглым животом и крупными руками. Казалось, он только что вышел из бакалейной лавки, где работал рубщиком мяса – настолько его внешний вид не вязался с той деятельностью, которой он занимался на самом деле. Свечи, стоящие на столе в медном канделябре, освещали лицо учёного, также круглое, с резкими морщинами на широком лбу. Внимательные, серые глаза прятались под мохнатыми бровями, а крупный острый нос выдавался далеко вперед. Создавалось впечатление, что перед вами – гигантская птица – то ли сова, то ли выпь. Или же – хозяйственный и деловитый майский жук. Голос преподавателя оказался, напротив, довольно мягким, даже певучим.

– Вы ко мне, господин офицер? – оторвался от бумаг, разбросанных на столе в кажущемся беспорядке, человек-птица-жук.

– Если вы тот, кого я ищу, – улыбнулся Болотов. – А разыскиваю я приват-доцента Михеля Коля. По чрезвычайно важному делу. Позвольте представиться, я – писмоводитель и адъютант генерал-губернатора Восточной Пруссии поручик Болотов Андрей Тимофеевич.

Взгляд, брошенный из-под бровей университетского му-

жа в сторону поручика, напоминал разряд электричества из «лейденской банки».

– Приват-доцент Михель Коль – это я, – ответил учёный. – Чем вызвала интерес у столь высокого начальства моя скромная персона?.. Вы присаживайтесь, господин поручик, – любезно предложил он Болотову. – Ожидается прибытие из Петербурга новой группы студентов? Что ж, мы сумеем разместить всех, и никого без дела не оставим! – Коль улыбнулся и потянулся за трубкой.

– Нет, сударь, я не по поводу студентов, – уселся на стул поручик. – У меня к вам дело, касающееся... электричества, – услышав это слово, приват-доцент вздрогнул. – В процессе ознакомления с этим... явлением у меня возникли некоторые вопросы, которые я хотел бы обсудить лично с вами... Если, конечно, вы сочтёте удобным и возможным подобную беседу со мной.

Коль набил трубку табаком, взял канделябр и прикурил от огня свечи. Оба небольших окошка в тесном кабинете на втором этаже были отворены, и помещение наполнялось свежим и влажным мартовским воздухом.

– Вот уж не ожидал, что русские военные заинтересуются электричеством... Хотя, если попытаться использовать его в качестве оружия, можно многого добиться. Так что же вас заинтересовало, молодой человек? Я попробую ответить на ваши вопросы, хотя, должен признаться, что в данной области осталось ещё много неизученного...

– Если позволите, я тоже закурю..., – Андрею Болотову, которого из-за беспокойной кочевой жизни порой досаждали запоры, один из знакомых врачей посоветовал выкуривать трубку вместе с утренним чаем. И принимать кое-какие пилюли. Табакокурение, как считал поручик, помогло ему избавиться от «деликатного» недуга, а затем стало неотъемлемой частью его жизни.

Закурив трубку, Андрей Тимофеевич начал разговор.

– Что же это такое – электричество? Осязать, видеть и обонять его невозможно, но получить удар, от которого уже никогда не оправившись – проще простого... Что по этому поводу думают учёные мужи?

Коль поднялся из-за стола. «Приятный юноша, – подумал он о Болотове. – Пытливый... Вижу, не зря говорят о русских, что царь Пётр привил в их стране науку, а Елизавета Петровна – вкус! Но любое познание начинается обычно с сомнения. Вот почему, чем талантливее человек, тем больше в его душе противоречий, колебаний и неуверенности?»...

– Я распоряжусь, чтобы нам подали кофе, – промолвил он и скрылся за дверью.

Когда же учёный вновь сел за стол, то сразу приступил к изложению:

– Видите ли, молодой человек, – взгляд его устремился куда-то к противоположной стене, под потолок, – многие тысячелетия человек жил бок о бок с электричеством, видел

его проявления и результаты воздействия, но не задавался вопросом: а что это такое? Можно ли его применить для каких-либо практических нужд? Впрочем, в Древней Греции электричество уже использовали в лечебных целях... Но, как объект серьёзных исследований, оно стало рассматриваться лишь в прошлом веке...

– Мне известно о некоторых изысканиях, проведённых Уильямом Гильбертом, Отто фон Герике, Францем Теодором Эпинусом, Михаилом Ломоносовым, Питером ван Мушенбруком и Эвальдом Георгом фон Клейстом...

– Приятно сознавать, что передо мной – человек, уже изрядно подготовившийся к беседе, – с улыбкой заметил Коль, выпуская клубы дыма через ноздри, затем продолжил: – Более-менее цельную теорию электрических явлений создал Бенджамин Франклин... лет двадцать назад. По его словам, в мире существует особая эфирная материя... Она представляет собой некую тонкую, невидимую и невесомую... жидкость. Причём, частицы этой субстанции, а они невероятно малы, имеют обыкновение отталкиваться друг от друга и притягиваться к тем или иным предметам...

Болотов согласно кивнул, и всем своим видом показал, что он желает и далее впитывать информацию от учёного Альбертины.

– Электрическая материя содержится во всех телах, – продолжал тот, – в определенных количествах. Обычно её присутствие никак не обнаруживается. Теория Франклина гла-

сит: если же в теле появляется избыток данной материи, то предмет электризуется положительно. А если в теле будет недостаток этой материи, то оно получает отрицательный заряд...

– То есть, мельчайшие частицы... – Болотов хотел показать, что понял мысль приват-доцента, но тот перебил его:

– Совершенно верно, господин поручик. Как утверждает Франклин, электрическая материя состоит из особо мелких частиц, поэтому она легко проходит сквозь вещество. Особенно легко – через металлы. Сейчас для передачи электричества, как вы знаете, используют железную и медную проволоку... Но Франклин сделал одно важное положение, касающееся сохранения электрического заряда. Например, для создания на каком-нибудь предмете отрицательного заряда от него отнимают некоторое количество «электрической жидкости». Но эта отнятая «жидкость» должна перейти на другой предмет и образовать там положительный заряд такой же величины. А если эти предметы или тела соединить, электрическая материя распределится между ними так, что они станут электрически нейтральными...

Дверь со скрипом отворилась, в помещение вошёл слуга приват-доцента, принёсший поднос с чашками. Вокруг распространился необычайно приятный аромат кофе.

– Франклин сумел доказать свои предположения на деле, – продолжил Коль, протягивая одну из чашек Болотову. – Он провёл занятный опыт. Представьте двух человек, стоя-

щих на смоляном диске. Этот диск нужен для изоляции людей от земли и окружающих предметов. И вот, один человек натирает шерстяной материей стеклянную трубку, а другой касается этой трубки пальцем. Проскакивает искра. О чём это говорит? О том, что оба человека оказались наэлектризованными: на одном скопились отрицательные электрические заряды, на другом – положительные. И их заряды были равны по абсолютной величине. Когда же произошло соприкосновение, люди потеряли свои заряды и стали электрически нейтральными...

– Всё это чертовски занятно, господин приват-доцент! – воскликнул Болотов.

– Да, господин поручик. Кажется, что всё просто... Но тысячи учёных бьются над данной проблемой, а открытия делают единицы... Кстати, вы упомянули Ломоносова. Они с Рихтером создали приборы – «электрические указатели», которыми фиксировали величины атмосферного электричества. А их «громовые машины» – довольно остроумное изобретение, хотя и опасное...

Оба на время замолкли, потягивая кофе. Учёный вынул из кармана сюртука брегет на цепочке и посмотрел время. «Он совсем не похож на наивного и склонного убежать от проблем мечтателя. Этот русский не скользит по жизни, а вникает в неё глубоко, – думал наставник. – С него мог бы получиться весьма толковый ассистент»...

– Верно, уже поздно? – осведомился Болотов. – Я не ре-

шался потревожить вас во время занятий...

– Ничего страшного, – улыбнулся Коль. – Тема электричества – невероятно интересная... Совсем недавно это явление казалось чем-то необычным, даже сверхъестественным... Каждый обыватель из любопытства хотел ощутить его на себе. Я не говорю об учёных, которые проводили эксперименты и зачастую не только уродовали своё тело, но и лишались жизни... А сейчас для обычных горожан создали аттракцион, заключающийся в ударе электрическим разрядом небольшой силы, причём этот аттракцион пользуется невероятным спросом!

– А каковы основные способы... получения электричества? Я слышал о соответствующих машинах и об атмосферном электричестве. И тем, и другим способом можно «добыть» известное количество...

В ответ приват-доцент Коль добродушно рассмеялся.

– Вы знаете, молодой человек, что ещё совсем недавно электричество брали от кошек? Известно ведь, что трение шерсти или шёлка создает электричество. Но таким образом оно образовывалось в малых количествах, и решили получать её из... мёртвых котов.

– Неужели... – только и мог произнести Болотов.

– Да-да, не удивляйтесь. Было создано специальное устройство, вроде «лейденской банки», дающее возможность получать электричество в любом объеме. А для того, чтобы его зарядить, прибегали к трению «электрона»

о шерсть животного.

– Правда, – продолжил приват-доцент, сделав глоток кофе, – многие сейчас стараются заработать на электричестве. Я вам уже говорил об «аттракционе ударов»... Но некоторые... с позволения сказать, «испытатели» пытались узнать, является ли человеческое тело проводником для электричества... Они не придумали ничего лучшего, как подвесить на верёвке ребенка. Электрифицированной палкой тёрли о его ноги... Как говорят очевидцы, на лице ребёнка появлялись огненные всполохи. Так научные эксперименты перерастают в дешёвые представления и способы заработка денег..., – грустно закончил он.

– Я надеюсь, что чем больше мы будем изучать электричество, тем разумнее будут становиться люди в использовании его возможностей...

– Лет десять назад, – усмехнулся Коль, с целью улучшения интимной жизни некие изобретатели стали использовалась электростель. В Англии сейчас на рынках продаётся кровать, через которую пропускается электричество. В рекламе Джеймса Грэхема так и указано: «Эта „божественная постель“ с помощью электрических разрядов поможет „зарядить“ пары, потерявшие друг к другу интерес»!..

Но более значимая отдача от изучения этого явления оказала влияние на создание громо- или молниеотводов. Если раньше молния била в дерево или высокое здание, то сейчас она бьёт в молниеотвод. Весь заряд «стекает» по нему в зем-

лю... Вы помните, в прошлом году в Кёнигсберге случилось большое количество пожаров из-за ударов молнии. И к чему привёл панический страх перед ними? – Коль усмехнулся. – Молниеотводы стали устанавливать на шляпах, зонтах и иных предметах.

Так что, если вам понадобилось атмосферное электричество, то в предгрозовую пору возьмите железный шест и поднимите его к небу. И вы почувствуете на себе скользящие по шесту заряды. Ежели вы этот опыт сделаете непосредственно в грозу, то наверняка она ударит в этот шест и тогда вам несдобровать... Впрочем, в грозу лучше всего сидеть дома и не искушать Господа...

– Позвольте ещё один вопрос, господин приват-доцент!

– Да, пожалуйста, – улыбнулся тот, хлопнув себя по коленям. – Я могу вам уделить ещё несколько минут...

– Силы притяжения и отталкивания, действующие между зарядами... они одинаковы по силе? – Болотов и сам не знал, что его натолкнуло на эту мысль. Скорее всего, просто не хотелось так быстро уходить из кабинета гостеприимного учёного. Тот же вновь почувствовал себя лектором и с удовольствием «оседлал» своего «любимого конька».

– К сожалению, мы пока не имеем возможности измерить данную силу, – он усмехнулся, – но, полагаю, она зависит от силы заряда каждой из частиц. И, разумеется, от расстояния между ними... Видите ли, господин поручик... Всевозможных теорий сейчас великое множество, и истина пока

только в процессе поиска... Эпинус, например, предполагает, что на частицы электрической материи постоянно влияют центральные дальнедействующие силы. Силы, действующие между частицами электрической материи, являются силами отталкивания. Но между крупными электрической материи и частицами любого вещества действуют силы притяжения. Заметим, молодой человек, что эти силы, подобно силам тяготения в механике, являются дальнедействующими. Эпинус, как и Ньютон, говорит, что описанные им силы нужно просто признать, как факт! Мол, в настоящее время нельзя объяснить, как именно они сказываются через пространство. А придумывать необоснованные гипотезы он не желает... Эпинус идет дальше, сравнивая силы тяготения с электрическими... Вы знакомы с механикой Ньютона, юноша? – увидев, что Болотов лишь пожал плечами, не выразив никаких эмоций, и продолжил: – Он предположил, что силы, действующие между зарядами электрической материи, я цитирую: «изменяются обратно пропорционально квадрату расстояния. Так можно предполагать с некоторым правдоподобием, ибо в пользу такой зависимости, по-видимому, говорит аналогия с другими явлениями природы». И эта «предполагаемая аналогия» дала возможность Эпинусу построить теорию электрических явлений!

– Чёрт возьми, – пробормотал Болотов, – всё это страшно увлекательно!

Увидев неподдельное любопытство во взгляде собеседни-

ка, приват-доцент «подстегнул лошадей»:

– Наиболее интересная его работа касается исследования «электрического проникновения», – и, видя непонимание во взгляде Болотова, он тут же поправился: – Я сейчас поясню вам, что это такое. Эпинус показал, что если к проводнику приблизить заряженное тело, то проводник получает электрические флюиды. При этом та сторона, к которой поднесли заряженное тело, электризуется зарядом противоположного знака. А вот на другой части проводника образуется заряд того же знака, что и на поднесённом теле! Если же мы уберём заряженное тело, то проводник «теряет» подобные свойства!

Болотов понятливо кивнул.

– Но если мы разделим проводник на две части в присутствии заряженного тела, то получим два проводника, которые несут на себе разноимённые заряды, а уж они-то останутся и при удалении индуцирующего заряда! Таким образом, Эпинус подтвердил закон сохранения электрического заряда! Я приведу вам его слова: «Если я хочу в каком-либо теле увеличить количество электрической материи, я должен неизбежно взять её вне его и, следовательно, уменьшить её в каком-либо другом теле».

Болотов, следуя своей привычке, быстро сделал несколько записей на чистом листе бумаги. Подождав, пока собеседник запечатлеет сказанное им, Коль продолжил, но уже неспешно:

– Но, кроме принципа дальнего действия, о котором я рассказал, существует и принцип ближнего действия. Одним из родоначальников этой теории я считаю Ломоносова. Кстати, петербургский учёный является противником только что изложенной теории. Он считает, что одно тело не может действовать на другое мгновенно! Да к тому же – через пустое пространство или даже заполненное чем-либо. Он утверждает, что электрическая взаимосвязь осуществляется между телами через особую среду, которая заполняет всё вокруг, включая и пространство между частицами, из которых состоит вещество. И эту среду он назвал «эфиром».

– То есть, – спросил Болотов, – данный эфир возникает вблизи зарядов?

– Именно так. Кстати, сторонником теории ближнего действия является и другой петербургский учёный – Леонард Эйлер. Он тоже предполагает существование эфира, движением и свойствами которого объясняются наблюдаемые электрические явления!

– И последний вопрос, господин приват-доцент...

– Слушаю вас...

– Многие считают, что электрические и магнитные явления весьма схожи по своей природе и близки друг к другу...

– Совершенно верно, господин поручик! Но нам до обидного мало известно о магните... А ведь сейчас ни одно морское путешествие не обходится без компаса! О последнем европейцы узнали от арабов, которым было давно знако-

мо свойство магнитной стрелки. А раз уж стало известно об удивительных свойствах магнита, так должны были появиться и люди, начавшие изучать их! Вы, наверное, слышали об английском учёном Гильберте, который написал книгу: «О магните, магнитных телах и большом магните – Земле». В ней были описаны уже известные свойства магнита, кроме того, Гильберт сделал и собственные открытия! Давно не секрет, что магнит всегда имеет два полюса. Их назвали по именам частей света – северный и южный. Мы знаем, что одинаковые полюсы отталкиваются, а разноименные притягиваются. Гильберт предполагал, что Земля представляет собой большой магнит. Чтобы удостовериться в этом, он проделал такой опыт. Он выточил из обычного магнита большой шар. Приближая к поверхности шара магнитную стрелку, учёный убедился, что она всегда «указывает одно направление», как и стрелка нашего компаса! Его книга стала первым научным исследованием магнитных явлений... Я не утомил вас, молодой человек?

– Нет, что вы... Прошу вас, продолжайте!

– Далее – в двух словах. Гильберт так же затронул и электричество. Вы знаете, изучение магнетизма у многих учёных вызвало интерес к исследованию электрических явлений. Гильберт не исключение. Он открыл, что наэлектризовать можно не только янтарь, но и алмаз, горный хрусталь и ряд других минералов. Но, в отличие от магнита, который способен притягивать только железо, наэлектризован-

ный объект притягивает к себе многие другие предметы...

Возвращаясь домой, Болотов испытывал ощущение, как будто его самого наэлектризовали в кабинете Коля, и он готов притянуть к себе кого угодно.

Особенно, кудрявую Марту...

Глава 5. Диковины замка Шпетергаст

Троих путников, выехавших из Мюнхена 23 марта 1761 года, ночь на 30 марта застала на подступах к замку Шпетергаст, что расположился неподалёку от живописного озера Кёнигзее, у подножья горы Ватцманн. В это время с предгорий Баварских Альп уже сошёл снег, весна повсюду хозяйничала на равнинах и в лесах.

Вообще-то, данный замок, представляющий собой четырёхбашенное строение, окружённое высокими стенами и глубоким рвом, и возвышающееся над густым лесом, именуемым в данной местности Локтигвальд (26), и был целью их путешествия.

Все трое путников были немецкими дворянами. Старшему из них едва миновало тридцать. Звали его Теодор фон Зинген, был он уроженцем пригорода Мюнхена, темноволосым красавцем с большими выразительными глазами, аккуратной бородкой и длинными, выющимися волосами. Его сопровождали низенький и крепкий Курт фон Шпаннинг, и высокий, немного нескладный Отто фон Хазе. Эти двое были из самого Мюнхена. Спутники фон Зингера выглядели значительно моложе его самого – обоим недавно исполнилось по двадцать лет. Оба кипели энергией, были готовы к подвигам на суше и на море, но вблизи старшего товарища старались держать себя «в узде».

Несмотря на то, что в Европе продолжалась война, трое молодых людей находились не в армии, да и облачены они были в обычную дорожную одежду – шерстяные плащи, шляпы, камзолы, колоты, ботфорты, разве что у каждого при себе имелись шпага на португее, кинжал и пара пистолетов. Судя по осанке, манере держаться в седле и привычке обращаться с оружием, все трое были опытными путешественниками и умелыми бойцами.

И, хотя эта компания не имела отношения ни к прусской, ни к австрийской армии, связь между ними была не родственной и даже не приятельской. Все трое являлись членами тайной организации – «Братство мыслителей», называемой также «Братством камня гиацинта». Появилась она в начале XVI века как ответвление от известного ордена розенкрейцеров (27). Члены этого ордена стремились к реформированию христианства, а также достижению прочного благоденствия государств и отдельных лиц, как на основе оккультных знаний, так и за счёт новейших научных достижений. Вышеозначенное Братство тоже ставило перед собой благородные цели – содействовать развитию науки и просвещения (28).

Учение розенкрейцеров построено «на древних эзотерических истинах», которые сокрыты от обыкновенного человека, но обеспечивают понимание природы, физического мира и «духовного царства». Братство же мыслителей при этом было обязано опекать людей, занятых наукой, вырывать

их из лап инквизиции, а позже – полиции и судов, спасти научные труды и разработки от невежественной толпы; и самому, по возможности, пользоваться результатами научных достижений, с которыми оно соприкоснулось.

Символ розенкрейцеров – роза, распустившаяся на кресте. Символ Братства мыслителей – пирамидка, олицетворяющая камень гиацинт, символ любви и достатка, и лучи, исходящие от неё.

За более чем два века существования, Братство камня гиацинта сплотило в своих рядах немало достойных мужей. Оно тоже развивалось, подстраиваясь под существующую реальность. И если ранее данная организация всеми силами пыталась спасти учёных людей от несправедного гнева Церкви, то сейчас она алчно охотилась за их научными разработками.

Как и во многих тайных организациях того времени, Братство камня гиацинта имело свой боевой костяк. А именно – людей, владеющих оружием и готовых отстаивать интересы Братства в любой точке Земли. Эта троица, которую мы застали по пути к замку Шпетергаст, как раз и были посвящёнными братьями-бойцами. Когда они вышли из Локтигвальда, по которому пробирались с фонарями, ночь уже царствовала над всеми Баварскими Альпами. Иногда из туч проглядывала полная луна, но света от неё явно не хватало для дальнейшего передвижения. Она лишь тускло отражалась в многочисленных лужах.

– Скажи, брат Теодор, – спросил Отто фон Хазе, – долго ли нам ещё ехать? Не лучше ли остановиться где-нибудь здесь на ночлег, а поутру продолжить путь?

Поездка в полной темноте через лес измотала каждого, но молодой воин старался казаться молодцом.

– Нет, брат Отто, – ответил старший товарищ. – Мы почти прибыли. До замка не более получаса езды. Глупо ночевать на пороге, когда рядом – дверь в гостеприимный дом.

– Но, попробуй, отыщи его в такую темень..., – ворчливо произнёс их третий спутник, продираясь сквозь цепкие ветви кустарника.

– Вот эта дорога, – брат Теодор опустил фонарь к ногам лошади, – как раз должна нас вывести к замку.

И вдруг впереди вспыхнул свет! Одновременно осветились несколько окон в замке, который сразу стал отлично виден на фоне ночной тьмы.

– Святые угодники... – прошептал брат Отто, – как же такое возможно... мгновенно зажечь столько свечей? Одновременно в нескольких залах...

Но в следующий миг, удивление, а вместе с ним и страх перед необъяснимым явлением, обуял и его земляка. Над одной из башен замка взметнулись ввысь голубоватые пучки света, осветив остроконечную крышу и шпиль. Казалось, огромные фонари посылают их в ночное небо...

– Что это? – прохрипел Курт. – Гроб Господень! Куда ты ведёшь нас, брат Теодор? В этом замке хозяйничают колду-

ны и нечисть!

– Успокойтесь, друзья мои, – ответил фон Зинген. – Это не колдовство, а чистейшая наука, клянусь Святым Причастием!.. Хозяин замка, барон фон Зальцман, большой ценитель разных новинок и изобретений в области физики... Последние годы он активно занимается электричеством... Всё, что вы видите сейчас... и увидите потом, – это работа учёных людей, состоящих на службе у барона.

Подул промозглый ветер, и путники, закутавшись в тёплые плащи, продолжили движение к замку. Под ногами лошадей зачавкала пропитанная вешней водой земля.

– *Sapere aude!* (29) – хозяин замка поприветствовал путников девизом Братства мыслителей, едва те перешли через перекинутый мост и оказались во владениях Шпетергаста.

– *Sapere aude!* – ответили те, радуясь окончанию тяжёлого пути, – ваш замок, господин барон, оправдывает своё название! (30)

Слуги торопливо приняли из рук гостей их верхнюю одежду.

– Прошу, братья, к столу! – радушно пригласил прибывших хозяин. – С дороги следует отдохнуть, основательно перекусить, а также обсудить тот вопрос, ради которого вас сюда и пригласили...

В узких сводчатых проходах замка горели масляные фитили. Следуя за бароном, молодые люди поднялись по крутым ступеням, прошли галерею, украшенную охотничьими

трофеями. Топот сапог со шпорами гулко отдавался в длинных каменных коридорах.

Наконец, двери открылись, и гости барона оказались в зале, залитом ослепительным светом. Он исходил от множества установленных на стенах стеклянных сосудов, вроде колб, к которым тянулись провода. Свечи, находящиеся на столе, не горели.

Глядя на удивлённые лица гостей, барон тихонько посмеивался в седую бороду, которая мягкими волнами лежала у него на груди. Некоторые колбы источали белый свет, другие горели жёлтым, иные же играли синеватыми и зеленоватыми оттенками. Дождавшись, когда слуги зажгли свечи на столе, хозяин замка подошёл к стене и повернул небольшой рычажок. «Светильники» тут же погасли.

От полной темноты спасли слуги, принёсшие свечей.

– Я прошу достойных братьев не удивляться, и не считать увиденное ими проделками нечистой силы, – улыбнулся барон. – Лучше обратите внимание на стол и возложенные на него яства. Набирайтесь сил, завтра поутру вам надлежит отправиться в Кёнигсберг. Такова воля Наставника нашего Братства, отца Иеронима. А для начала прошу наполнить бокалы, и отведать вина, изготовленного из южнорейнского винограда!

Гости уселись за стол. Слуги барона поднесли ещё блюда с мясом и соленьями, рыбой и пирогами, расставили сосуды с пивом и вином, пока на столе практически не осталось

свободного места.

– Скажите, господин барон, – через несколько минут после дружной и обильной трапезы спросил брат Теодор, – С какой целью нас направляют в Кёнигсберг? Это ведь не близкий путь...

– К тому же, Кёнигсберг сейчас – часть Российской империи! – добавил брат Отто.

– На вас, братья мои, – ответил тот, пригубив бокал вина, – возложена необычная миссия. Вам надлежит встретить корабль, что войдёт в кёнигсбергский порт, и получить ценный груз. Его вы должны будете доставить по адресу, который я вам укажу позже. Что же касается принадлежности сего города к России, то это, к сожалению, правда. Но у вас будут все необходимые документы... Вам придётся играть роль negociантов... И предлагать свой товар. Для отвода глаз. Потом вы бросите его за ненадобностью... Кёнигсберг торговый город, он не может жить без коммерции...

– Что же в этой миссии необычного? – осведомился брат Теодор, вгрызаясь в баранью ногу. – Эту работу могли бы поручить простым подмастерьям, низшему звену Братства...

– Дело в том, брат мой, – тихо и ласково произнёс барон, всё ещё держа в руке бокал, – что «получить груз» – не совсем точное выражение... Его надо... похитить. А тех, кто попытается вам помешать, попросту убить...

Некоторое время ели молча. Яства были действительно, на удивление вкусны и разнообразны. Братья, несколь-

ко дней питавшиеся чем Бог послал, ибо множество трактиров на пути из Мюнхена, не работали по причине войны и прочих бедствий, связанных с нею, наконец, смогли порадовать свои желудки изысканной едой. Наблюдая, с каким наслаждением его гости поглощают пищу, барон с пониманием улыбался.

– И как велик груз? – спросил Отто.

– Груз невелик, но весьма ценен. Это – книги. Подробные записи научных опытов. Прибудет он из Англии... Тот, кто привезёт данный товар, собирается выгрузить его в Кёнигсберге... Вам придётся совершить быстрый... набег, похитить фолианты и доставить их туда, куда я вам укажу...

– Хм, а сколько человек будут сопровождать груз? – осведомился молчавший до сих пор Курт.

– Насколько мне известно, один купец по имени Густав Молленброк со своими двумя или тремя слугами... Речь идёт о наследии итальянского учёного Рене Пастуро. Он трагически погиб во время испытаний своей машины... и сейчас многие люди, увлекающиеся новинками в области электричества, стараются заполучить его наработки... Все основные инструкции вы получите завтра, – добавил барон. – А сейчас, отдохайте и утоляйте голод и жажду... Для вас приготовлена комната. Утром за завтраком мы обсудим все детали предстоящего дела...

– Значит, и данное поручение связано с электричеством, – проворчал фон Зинген.

– И в этом нет ничего удивительного, – назидательным тоном произнёс барон. – С тех пор, как начались первые исследования по электричеству и магнетизму, человечество сделало немало шагов вперёд... И убедилось, что в электрических зарядах таится небывалая сила! – он обвёл рукой вокруг себя. – Только что вы видели электрическое освещение, которое я установил совсем недавно. Пока постоянно использовать его довольно хлопотно и накладно, но я думаю, со временем мы найдём решение и этой задачи...

– Но, каким образом?.. – удивлённо спросил Курт.

Барон усмехнулся и вновь приложился к бокалу.

– У меня работает некто Ван Дастен, голландец. И у него есть два помощника. Они давно занимаются исследованиями в данной области, и я... пригласил их к себе, – тут фон Зальцман хитро ухмыльнулся, отчего гости невольно заподозрили, что это «приглашение» было весьма схоже с принуждением. – Ван Дастен – весьма толковый малый... Он проводил исследования с целью определить, насколько воздух проницаем для электричества... И ставил любопытные опыты. Так, например, он пытался насытить его различными парами, будучи уверенным, что некоторые смеси воздуха и других... газов не смогут «сопротивляться» прохождению электричества... И вот, представляете, когда он наполнил банку парами ртути... в ней произошёл разряд! Между двумя угольными стержнями вспыхнула молния! Просуществовала она необычайно долго! И всё это время банка све-

тилась ярким светом!.. Поэтому я приказал учёному продумать этот вопрос и, со временем, создать у меня такую же... иллюминацию...

– Но сколько же электричества потребуется для такого освещения? – воскликнул брат Отто.

– А у меня оно есть, – самодовольно ответил барон. – Утром, когда рассветёт, вы убедитесь, что весь мой замок – это машина по получению электричества и сбережению его... У меня имеется множество необходимых механизмов: это и ветряки, и водяные мельницы... Лопасты крутятся не только для того, чтобы перемалывать зерно. Все они приспособлены для выработки электричества! Кроме того, мой голландский учёный установил специальные ловушки для атмосферного электричества! Когда приближается гроза, все они трещат и чуть ли сами не вспыхивают – настолько насыщены зарядами!

Гости барона слушали его, затаив дыхание, и абсолютно позабыв про еду.

– От каждой машины электричество по проводам поступает в «лейденские банки», которые, на какое-то время, могут сохранить оное в себе. Потом я понемногу трачу его, ставя собственные опыты!

Барон гордо вскинул голову, глаза его ярко вспыхнули в отсвете свечей. Трое прибывших братьев глядели на радужного хозяина с нескрываемым восхищением.

– Я бы вам ещё много чего любопытного мог поведать,

братья мои... но пока исследования не завершатся, выводы делать рано. В настоящее время мы опытным путём пытаемся установить, может ли электричество способствовать восстановлению у человека выпавших волос и зубов... уменьшать боли и заживлять раны... Да вы угощайтесь, господа. Я бы хотел, чтобы вы, покинув этот замок, вспоминали его с теплом...

– Конечно, – воскликнул Отто. – Мы будем вспоминать и замок, и вас, господин барон, и ваши хитроумные... изобретения!

Барон высокомерно улыбнулся.

– Мы проводим опыты по лечению разрядами женского бесплодия... И наоборот, – тут он сделал паузу, – по лишению женщин возможности иметь детей...

– Но ведь это противно учению Христа!..

– Возможно, – с напускной грустью согласился барон. – Но почему-то он не препятствует, а помогает нам. А мы хотим знать всё, что касается влияния электричества на тело человека. Может ли оно... восстанавливать мужскую потенцию? Улучшать память? Омолаживать организм? Продлевать жизнь? Убивать на расстоянии?.. На многие из этих вопросов можно найти ответ... в тех книгах, за которыми поедете вы, братья. И да поможет вам Господь в этом... святом деле!

Гости и хозяин потянулись к бокалам. Молчаливый слуга в длиннополом сюртуке поочерёдно наполнил их вином.

– За ваши изобретения! – воскликнул брат Теодор. – Клянусь Гробом Господним, ни о чём подобном я прежде не слышал!

– Воистину, наука творит чудеса! – подхватил брат Отто. – Не зря мудрые говорят: *Omne ignotum videtur Maximo* (31).

– Мы приложим все усилия, чтобы раздобыть требуемые книги и привезти их вам! – добавил Теодор.

– Но, помните, – вдруг нахмурился барон, – что это – страшнейшая тайна. Всё, что вы видели здесь, должно остаться только в вашей памяти!

– Разумеется, господин барон, мы умеем хранить секреты. Иначе выбор в этом деле пал бы не на нас! – заверил фон Зальцмана Курт.

– Вот и хорошо, – удовлетворённо заметил хозяин замка, и вдруг, словно о чём-то вспомнил. Минуту он помолчал, раздумывая, стоит ли посвящать своих гостей в очередную тайну, затем принял решение: – Пожалуй, я вам покажу, на что способно электричество ещё на одном примере... Вы хотите этого?

– Конечно! – в один голос воскликнули все трое.

– Тогда я приглашаю вас совершить небольшую прогулку. – Барон поднялся. – Прошу следовать за мной.

Хоть гости изрядно отяжелели от обильного питья и еды, но не заставили себя долго ждать. Все трое поднялись из-за стола и последовали за таинственным господином, который, взяв подсвечник, вышел за дверь.

Они вновь прошли по коридору и спустились вниз по ступенькам. Кое-где гости барона заметили стражу, охраняющую окованные железом двери. По всему было видно, что хозяин замка держит свои занятия в секрете, и готов жёстко воспрепятствовать каждому, кто попытается проникнуть в его тайны. А таковых в его логове, по-видимому, хватало.

– Насколько силён гарнизон вашего замка, господин барон? – осведомился брат Теодор.

– Два десятка верных мне людей, – ответил тот, продолжая неспешно идти вперёд, освещая путь факелом. – Они не только несут службу по охране, но и усердно помогают мне в опытах...

Наконец, процессия остановилась у двери, возле которой стоял охранник с ружьём. Фон Зальцман подал ему знак рукой и тот, достав связку ключей, заскрежетал в замочной скважине.

Когда дверь со скрипом отворилась, барон со своими спутниками шагнул внутрь. Картина, открывшаяся взору гостей, вызвала у них чувство брезгливости и отвращения, во-первых, из-за зловония, царившего в помещении. Кроме того, посреди комнаты, три на четыре шага, располагался стол, на котором лежал связанный и абсолютно голый человек. В углу помещения находился аппарат, напоминающий бочку, прикрытый куском мешковины. От него к человеку тянулись провода. Один провод крепился к большому пальцу правой ноги несчастного, другой прикасался к гениталиям.

Человек лежал без движения, возможно, спал или был без сознания. Но он, несомненно, был жив, поскольку дышал. Возле его головы стояла склянка с водой.

– Клянусь Причастием, – воскликнул брат Теодор. – Вы что, господин барон, испытываете на людях действие электричества?

– Не совсем так, – фон Зальцман подошёл к столу и поставил на его край подсвечник, рядом с головой лежащего человека. – Это – не опыты. Это, братья мои... попытка.

– Гроб Господень... Кто же этот несчастный?

– Успокойся, брат Курт. Этот человек – один из помощников голландского физика Ван Дастена... Так получилось, что я застал его за одним... экспериментом...

– Но что же в этом плохого?

– Тот опыт мог закончиться трагически... Заряд искусственной молнии, должен был ударить в меня... Хитрец всё продумал чертовски грамотно, но и я ведь не так прост! Теперь он сам получает время от времени электрические разряды..., – с этими словами барон подошёл к стоящей бочке, снял мешковину и потянул какой-то рычажок.

То, что увидели члены Братства мыслителей, вслед за этим, заставило их содрогнуться. Тело лежащего на столе человека дёрнулось, забилось в конвульсиях и вдруг подпрыгнуло! Мучительный вой дикого зверя вырвался из горла несчастного. Глаза его почти вылезли из орбит. Губы судорожно скривились в ужасной страдальческой гримасе. Изо

рта хлынула пена... А по столу стала растекаться лужа, которая быстро перелилась через край, и моча закапала на каменный пол...

– Ну что, господин Ван Брок? – подскочил к пленнику барон. – Испытываешь ли раскаяние, грешник? – он схватил склянку и плеснул водой в лицо истязаемому. – Ты сам решил уничтожить меня или тебя на это дело подговорил Ван Дастен?..

Тот не отвечал, лишь едва шевелил губами. Взгляд его не выражал ничего.

Лицо же барона фон Зальцмана покраснелось, губы его растянулись в зловещей улыбке. Было видно, что от того, что произошло, он получил немалое удовольствие.

– Эта штука кому угодно развяжет язык! – удовлетворённо произнёс хозяин замка, кивнув на бочку в углу. – При условии, если в конвульсиях случайно не откусишь его себе. Как этот несчастный господин... А теперь вернёмся в зал, – он вытер лоб кружевным платочком. – Надо прикончить остатки вина и ложиться спать. До утра осталось совсем немного...

Глава 6. Философия весны

Весна всё настойчивее заявляла о себе на улицах Кёнигсберга. Солнечные лучи довольно быстро расправились с остатками собранного в кучи потемневшего снега, превратив его в ручьи, которые, весело журча, утекли пополнять Прегель. На ветках деревьев набухли почки, птицы весело щебетали под окнами горожан. Оживились работы в порту, всё чаще выходили в море и возвращались обратно суда, частокол мачт на Прегеле день ото дня становился всё гуще.

Горожане наводили порядок в садах, убирая скопившийся за зиму мусор, протирая скамьи и беседки. Многие начали работу на своих грядках – приближалась пора посева.

Апрель оглушительно звенел, журчал и ярко блестел на солнце.

Андрей Болотов приобрёл небольшой участок земли неподалёку от своего дома, почти на самом берегу Прегеля. Участок был шагов восемь в ширину и десять – в длину. С краешка его стояла будочка, сколоченная из досок. Здесь он и начал складывать инструменты, а также отдельные предметы, из которых планировал собирать электрические машины. Сюда же они вместе с Никитой Богомольцевым притащили моток медной проволоки.

Оба всерьёз задумали проверить воздействие электричества на рост и плодоношение овощных культур, а там, чем

чёрт не шутит, можно будет перейти и к исцелению больных людей. К началу апреля поручик собрал целую коллекцию из семян, которые собрался сажать, как только наступит подходящая для подобных работ пора. Примерно в это же время он приступил к сборке первой электрической машины.

Как-то поручик Козлов за утренним чаем спросил Болотова:

– Уж не собираешься ли ты бросить службу и стать огородником, любезнейший Андрей Тимофеевич? Гляжу, всё свободное время пропадаешь на своём участке...

– Непременно, Савва Константинович! Думаю, кое-кому станет совестно за свои шуточки, когда летом я угощу его свежими огурцами!

– Ты лучше посади картофель, – серьёзно намекнул приятелю Козлов. – Приедешь к себе домой, научишь мужиков новому овощу.

– Действительно, я давно задумываюсь над этим, дружище. Картофель – хорошее подспорье для крестьян.

Ухитряясь справляться со своими обязанностями в канцелярии губернатора Восточной Пруссии, Болотов приступил к созданию электрических машин, по подобию тех, о коих узнал из книг, предоставленных ему сотрудниками Альбертины. Загоревшись новыми идеями, Болотов едва мог усидеть в канцелярии. Как только выдавалась свободная минута, он устремлялся на свой участок, затем в Альбертину, на встречу со студентами, потом в Альтштадт, на рынок, где

можно было приобрести множество полезных вещей.

Не забывал поручик и про лекции у почитаемого им Веймана. Так однажды он едва не столкнулся лоб в лоб с Иммануилом Кантом, возвращавшимся с занятий.

– А-а, это опять вы, – улыбнулся, узнав офицера, учёный. – Всё носитесь со своими прожеками... Это хорошо, что вы – столь увлечённый человек. Только не позволяйте пристрастию взять верх над духовностью и нравственностью...

– Рад вас видеть, господин приват-доцент, – обрадовался встрече Болотов. – Действительно, я пытаюсь воплотить некоторые мысли в реальные дела. Поскольку, как вы изволили заметить, мир полон тонких взаимосвязей, которыми не стоит пренебрегать...

– Я искренне рад, что вы в этом убедились, – усмехнулся Кант.

– У меня также сложилось впечатление, – позабыв о своих спешных делах, сразу включился в разговор поручик, – будто все события в мире, все люди и все знания соединены между собой невидимыми нитями, которые иногда случайно проблёскивают. Я уверен, что существует тесная связь между человеком и тем, что его окружает, точнее, между пространством и временем, сознательным и бессознательным... И в определённые моменты жизни, под влиянием самосуществующих объективных смыслов возникает сильное притяжение, особые электрические или психические явления,

вызывающие такие неожиданные совпадения, которые мы обычно называем роковой случайностью, судьбой, невероятной удачей или даже чудом!..

Слушая Болотова, худощавый философ удовлетворённо покачивал головой.

– И чем теснее это соприкосновение между окружающим и вами, – продолжал разгорячённый поручик, – тем больше вероятность того, что вы заметите и придадите значение даже маленьким сигналам. Коими могут быть, например, вещи сны, неожиданные встречи, внезапные образы, разговоры, запахи. Конечно же, в данном явлении нельзя быть полностью уверенным, но, тем не менее, его наличие, порой, помогает нам действовать, принимать решения или вообще в корне менять жизнь и судьбу... Нечто подобное происходит и со мной...

– Видимо, нужно быть внимательным и предельно открытым, чтобы создать нашему разуму такую возможность, – заметил Кант.

Этот разговор, так неожиданно начавшийся, всё больше начинал напоминать шахматную партию, думать в которой собеседникам приходилось над каждым словом и жестом...

– Видите ли, господин поручик, наш разум – это удивительная и загадочная субстанция, которую по недоразумению мы почему-то привыкли называть «своей». Но для этого у нас нет абсолютно никаких оснований. «Кто есть чей?» – это весьма спорный вопрос. Ведь разум постоянно морочит

нам голову и обманывает, повсеместно расставляя свои «ловушки». То вводит человека в заблуждение, заставляя его верить первому впечатлению и делать преждевременные выводы, то загоняет в рамки общепринятых догм, лишая шанса найти иное решение...

– И миновать такие «ловушки» никак нельзя? – Болотову ужасно нравилось, что он понимает мысль учёного, словно свою собственную.

– Я полагаю, молодой человек, что совсем избежать «ловушек мышления» невозможно. Но знать о них полезно, чтобы хоть иногда подвергать сомнению своё восприятие действительности. Я знал людей, у которых возникало ощущение определённого цвета под воздействием звуков, а иные чувствовали вкус слов или образов. Порой, разум подменяет наши воспоминания и внедряет в них то, чего не было в помине. Из сего следует, что не всё, что мы помним, происходило на самом деле! И это ещё далеко не все его проделки! – Кант вдруг рассмеялся. – Возьмём, например, галлюцинации. Человека, который их видит, невозможно убедить в том, что оных не существует. Для него они так же реальны, как для нас пуговицы на вашем мундире. Вот и рассудите: какие у нас с вами основания считать, будто то, что происходит здесь и сейчас – реальность, а не является нашими грёзами? Потому-то наши скромные мыслительные способности и не дают нам право называть разум «мой». Он несопоставимо мудрее, чем мы...

– Вы хотите сказать, что мой рассудок и я – это нечто разное? – спросил растерянный Андрей.

– Именно так, – словно вбил гвоздь в стену Кант. – И нам надлежит крайне серьёзно к этому относиться. Ведь он принимает решение самостоятельно, и никакой власти над ним мы не имеем. А это частенько ставит нас в очень щекотливое положение... Но у разума есть одна уловка: он умеет убедить человека в том, что тот хозяин своих поступков и даже самой судьбы. Вот только наше тело для него – лишь инструмент достижения неких неведомых замыслов.

Болотов растерянно мял в руках шляпу, глядя в светлые, смеющиеся глаза учёного. Тот курил трубку и, словно с клубами дыма, втягивал в голову новые мысли и идеи.

– Действительно пугающая мысль: неужели мы все – марионетки? А кто же на самом деле является кукловодом нашего тела и всего окружающего мира? Хотелось бы знать, господин приват-доцент, что это за сущность, руководящая нашими поступками?

Тот, слегка прищурившись, смотрел на молодого офицера снизу-вверх.

– Мне думается – Вечный Творческий разум!.. Не слышали? Удивлены?.. Что ж, если пожелаете, я предоставлю вам возможность ознакомиться с соответствующими научными трудами по данному вопросу, – пообещал Кант и продолжил рассказ, попыхивая своей трубкой. – Так вот, согласившись с утверждением: «Всё есть мысль», мы начинаем по-

нимать, каким образом мысли становятся причиной наших ощущений. Коль сегодня вы себя плохо чувствуете, то это лишь оттого, что сами создаете некие образы, из-за которых расстраивается здоровье. У всех нас бывали дни, когда всё валилось из рук, одна худая мысль притягивала другие, ей подобные, круг замыкался, и, в результате, случалось что-то недоброе. Но будьте уверены, что, настроившись на хорошее, вы мощно притягиваете к себе больше благоприятных вещей и событий. Мы – подобны магнитам. Так давайте же стараться чувствовать себя здоровыми и ощущать любовь, которая нас окружает, даже если её нет... Что тогда произойдет? Вселенная непременно подстроится под нашу песню.

Болотов весь встрепнулся:

– Дельная мысль и добрый совет!.. Но, думаю, господин приват-доцент, исполнить его будет не так уж просто... Это животные не думают о том, что жизнь конечна. И, скорее всего, даже не понимают, что такое смерть... Они живут только сегодняшним днём, каждой его минутой. Их мало волнует, что было «до», и что будет «после». Только – сейчас... Хотя, в этом есть и неоспоримое преимущество... Человек же постоянно находится в тревоге о будущем или же страдает от угрызений совести, он всегда хочет чего-то большего, оттого редко бывает доволен или счастлив... И вот весьма любопытная особенность состоит в том, что чем больше усилий человек прикладывает для воплощения в жизнь желаемого, совершенно не допуская иного варианта

развития событий, тем более он отдаляет от себя его реализацию... Ведь, давно подмечено, что чем больше жаждешь, тем меньше в итоге получишь. Но почему так? Что за несправедливость? Есть ли в этом хоть какая-то логика?

Мимо беседующих прошли несколько студентов, почти-тельно поприветствовав офицера и учёного, занятых научным диспутом.

– Безусловно, молодой человек... Ведь каждое следствие имеет свою причину. Всё просто: всякому разумному существу надобно воздерживаться от крайностей – они пагубно воздействуют и на тело, и на дух. Следует не стремиться к счастью любыми способами, а стараться быть достойным его. Данная задача осуществляется посредством выполнения внутреннего долга, основным каноном которого является бескорыстие... В противном же случае мы рискуем обрести точную противоположность требуемому так страстно. Вот в вашем примере принятие только одного единственного варианта свидетельствует об эгоизме и сильной эмоции страха. Да-да, именно так... – промолвил философ, взглянув на изумлённого собеседника. – Например, страха того, что не оправдаются ожидания и надежды, так тщательно взлелеянные вами ранее. Нам-то кажется, что только мы знаем и решаем, какой должна быть наша жизнь, а какой она стать ни в коем случае не должна, устанавливая подобной точкой зрения себе серьёзные преграды. Мы не готовы смириться с тем, что наше желание может не осуществиться, не намере-

ны принять другой результат, ропщем, злимся. И вот у жизни не остаётся более действенного способа доказать нам, себязлюбцам, что она прекрасна в любом облиции и что её наличие – уже само по себе подарок. Поэтому и откладывается исполнение нашей мечты. Ведь именно в её осуществлении вы видели свое счастье, забыв о том, что наивысшее благо – это выбор. К тому же суждение о счастье у каждого из нас зависит от его личного мнения, основанного опять же лишь на собственном опыте, и не содержит в себе абсолютной необходимости...

Кант взглянул на своего излишне серьёзного собеседника, улыбнулся и добавил:

– Всё это следует принимать покорно, памятуя, что даже по пути от тарелки до рта нас поджидает масса неожиданно-стей... Поверьте, Вселенная равнодушна и холодна, ей нет никакого дела до вашего желания, каким бы оно ни было. Но пока вы не поймете, что на нём свет не сошелся клином, и что вы вполне способны обойтись без этого, то не получите желаемого. И так же наверняка обретёте его, научившись быть счастливыми и без оногo. И вот тогда – (О, чудо!) – всё сбывается. Порой само собой, без каких-либо особых усилий...

Проведав Никиту Богомольцева и обсудив с ним дальнейшие мероприятия (следовало заказать у стеклодувов большие банки специальной формы, а у жестянщиков купить

медной фольги), Андрей направился в Замок. Едва он вышел за порог Университета, не успел даже насладиться солнечной, весенней погодой, как к нему почти подбежал профессор медицины Майбах.

– Я знаю, сударь, – без вступлений начал он, – что вы задумали строить электрические машины для лечения людей! Всё это чрезвычайно интересно и нужно! Но, как вы намерены ими воспользоваться? Вы же не врач!

Почтенный профессор тоже был невысок, но весьма активен. Парик сполз ему на затылок, пуговицы на камзоле были расстёгнуты. Видимо, сегодня учёный недостаточно много внимания уделил своей внешности.

– Надеюсь, вы понимаете, молодой человек, что право лечить больных дано не каждому? Тем более подобный талант имеется далеко не у всех. Порой врач вынужден принимать свои решения в тумане неопределенности, основываясь на скурых и не всегда надёжных сведениях, часто не имея времени на спасительную отсрочку! Чтобы применить все знания для пользы страждущего и выбрать из различных вариантов исцеления наиболее подходящий для данного случая, необходимы личная опытность и интуиция, здравый смысл, способность одновременно увидеть каждую мелкую деталь и всю ситуацию в целом! Словом, требуется особое врачебное искусство...

– Здравствуйте, господин профессор, – учтиво приветствовал Майбаха Болотов. – Вы, я вижу, тоже в курсе наших

изысканий?

– Конечно, в курсе! В университете только ленивый не об-суждает ваших затей! Всполошили студентов... Вы что же, думаете, что, пропустив через человека электричество, из-бавите его от всех болезней? Это – крайне опасная затея!

– Нет, сударь. Я лишь думаю построить электрическую машину. А уж как ею пользоваться, решать вам, медикам...

– Ну что ж, это уже похвально, – успокоившись, Майбах поправил съехавший парик. – Как себя чувствует губерна-тор? Надеюсь, вы не собираетесь пропускать через него мол-нию? – он рассмеялся.

– Василий Иванович здрав, слава Богу. А насчёт мол-нии... я сейчас задумался: как бы отнять от неё частицу за-ряда для собственных целей?..

– Ух, вы... выдумщик! Смотрите, как бы она не осерчала на вас за столь самонадеянные помыслы!

– Упаси Господь, господин профессор. Я буду предельно осмотрителен.

– Вы знаете, – Майбах осторожно взял Болотова за пу-говицу мундира, – Я тоже размышлял над вопросами меди-цинского использования электрических разрядов... И вни-мательно изучил некоторые работы... В этом есть несомнен-ное рациональное зерно! Вы только представьте: там, где мы раньше использовали скальпель, когда-нибудь сможем ле-чить электрическими искрами...

– Но мы, уважаемый профессор, ещё не разработали само

устройство для этих целей. У нас задумка – создать источники электричества...

– Вот и постройте их. Не мешкая... Продумайте, чтобы от источника тянулись два провода с щупами. Плоские щупы, (желательно их сделать из свинца, ибо он мягкий), мы будем прикладывать к больному месту пациента и пропускать электрические разряды... Я думаю, эффект от лечения будет зависеть от того, насколько велика площадь соприкосновения данных пластин с кожей, а также от продолжительности сеансов и их количества... Полагаю, что надо также учесть возраст больного и его пол...

– А насколько сильным должен быть разряд, как вы считаете?

– Мощным ему ни в коем случае быть не следует. Иначе можно навредить или даже убить... Нужны слабенькие разряды, не вызывающие боли и неприятных ощущений... У вас имеются приборы, которые способны измерить их величину?

– Такие приборы изготовил ещё Рихман. Он назвал их «указателями электричества»... Нечто подобное можем смастерить и мы. Но сначала определим требуемый уровень...

– Вот это – правильно! В первую очередь следует разобраться с силой ударов...

Потом профессор стал рассказывать, что в теле человека существуют как проводники электричества, к коим он отнёс кровеносные сосуды и мышцы, так и непроводники

(жировая ткань и кости), и стал давать советы, как будущая электрическая машина, служащая Эскулапу, должна управляться с «неоднородностью» человеческого тела. Затем, как и всякий увлекающийся человек, он «забрёл в дебри» и дошёл в своих мечтах до того, что можно попытаться создать устройство, отпугивающее старость и саму смерть дозированными электрическими разрядами.

Но весна – это не только период цветения растений и неумолкающего пения птиц. А молодость – не лишь время новых идей, учения и сооружения диковинных изделий. В душе каждого человека эта пора пробуждает некие силы: животворную энергию, круговороты различных мыслей, бурю смелых желаний... Болотов несколько дней ходил сам не свой – думы кружились в его голове такие, что в пору было сойти с ума. Наконец, он дождался, когда дочь хозяев Марта выйдет во двор, и тут же подбежал к ней.

Небо над головами было чистым и голубым. Лишь на западе у горизонта вздымались горы кучевых облаков. Андрей зажмурился, встал спиной к солнцу, оберегая глаза от яркого света, и спросил:

– Куда вы собрались, милая Марта?

– На рынок, господин поручик. Матушка просила купить говядины и сыра...

Она ежедневно выходила в это время из дому, чтобы приобрести в лавках продукты и послушать свежие городские

новости.

– Марта, я должен вам сказать нечто важное..., – Андрей робел, и слова, которые он собирался произнести, одно за другим, вылетали у него из головы. Виной тому были белокурые пышные локоны, ниспадающие на плечи, большие и выразительные глаза, да по-детски пухлые губки Марты.

– Интересно, что же? – кокетливо улыбнулась девушка.

Он нежно взял её за руку и поднёс ладонь к своим губам.

– Ой, что вы, господин... Андреас...

– Я – русский офицер, Марта. Вы – немка. Однако мы – подданные одной государыни... И я давно люблю вас и хочу, чтобы вы стали моей женой... Если вы не возражаете, то я немедленно поговорю об этом с вашими батюшкой и матушкой...

Глава 7. Путь в Кёнигсберг

Ранним утром в четверг 2 апреля 1761 года через Изарские ворота Мюнхена, расположенные с восточной стороны города, выехали шестеро всадников. Они, перейдя по мосту через реку Изар, повернули в северо-восточном направлении. Путь их должен был лежать через Прагу, до которой они планировали добраться за три-четыре дня, и далее – через Варшаву, где собирались пересесть на корабль, и по Висле достичь залива Фришес Хафф (32), откуда – рукой подать до Кёнигсберга, конечной точки их путешествия.

Впереди ехали трое, уже известных нам людей – это члены Братства мыслителей, немецкие дворяне Теодор фон Зинген, Курт фон Шпаннинг и Отто фон Хазе. На небольшом отдалении их сопровождали (в качестве слуг у людей купеческого сословия) трое простолюдинов, в которых легко можно было угадать солдат. Они тоже были членами вышеозначенного Братства и верно служили ему, в основном, шпагами. Лихие люди, коих немало бродило в те времена по дорогам Европы, не осмеливались нападать на шестерых крепких парней, которые наверняка сумели бы за себя постоять.

Путь до Фрайзинга, составляющий чуть менее шести миль (33) путники совершили за полдня. В этом небольшом городке они остановились на короткий отдых, перекусили в трактире и далее, не привлекая к себе внимания и не вы-

зывая лишних пересудов, отправились в Ингольштадт. Дорогой состоялся такой разговор:

– Мой отец как-то рассказывал, что наши предки участвовали в Крестовом походе против язычников Пруссии и даже строили крепость Кёнигсберг, в которую мы теперь направляемся, – похвалился Курт во время монотонного перехода.

– А что ещё он рассказывал? – живо отозвался скупающий Отто.

– Много чего интересного... Например, говорил о том, что племена, населяющие те земли, ели конину, пили кобылье молоко и кровь, отчего были невероятно сильными и храбрыми. Жили пруссы не столько ведением домашнего хозяйства, сколько войнами и разбойными набегами на соседей, а в бою дрались очень свирепо. Их даже сравнивали с викингами...

– И что же, твои предки решили усмирить этот народ? – усмехнулся Отто.

– Они несли им Веру Христову, – серьёзно возразил Курт. – Эти люди молились деревьям да камням, им даже столбы запрещалось забивать в землю вершиной вниз, поскольку это оскорбляло духов леса... К тому же у них бытовали совершенно неверные представления о жизни и смерти. После боя, во время обряда прощания, мёртвых воинов сначала усаживали, чтобы накормить и напоить, а затем сжигали на погребальном костре. А вождей они предавали огню в выдолбленных по их росту стволах бука вместе с дорогами.

ми подношениями, после чего соплеменники опрокидывали рог мёда на землю в память об ушедших героях...

– Действительно странные традиции, – пробормотал Отто.

– Но у некоторых племён существовали более дикие и жестокие обычаи, – продолжал Курт. – Например, они убивали своих новорожденных девочек, всех, кроме первой, поскольку считали их «лишними ртами», а мальчиков сохраняли для войны. Существует предание, что однажды в одной из прусских общин женщины решили оставлять родившихся дочерей в живых. А когда это раскрылось, мужья постановили отрубить груди всем своим жёнам, чтобы они впредь не смогли выкармливать детей...

– Как же они после этого жили? – удивился Отто.

– Неплохо жили. Мужчина мог иметь трёх жён, которых обычно покупал или привозил силой из военных походов.

– Второе мне больше по душе, – улыбнулся Теодор, – надо запомнить и взять на вооружение...

Вечером они встали на постой в гостинице Ингольштадта «Рапира». В ближайшем от неё трактире, на вывеске которого красовалась надпись: «Согрей душу», они намеревались встретиться с человеком, который передаст им дальнейшие инструкции.

Закат долго висел над землей, меняя свои краски, и словно наслаждаясь вечерней прохладой... В центре города было довольно чисто, чего не скажешь об окраинах, где разлилось

множество луж, собаки гоняли кур, а скопившийся за день мусор на улицах ещё не начали вывозить. Но здесь «чувствовалась рука» городского совета. А как же иначе, ведь рядом расположен старейший в Баварии университет, созданный ещё в 1472 году.

Уже стемнело, на улицах зажгли фонари. Дворяне сели за стол, расположенный в центре помещения, их «слуги» расположились у двери. Несколько студентов, торговцы и ремесленники заполнили пространство трактира. Зазвенели кружки, загремели лавки, зашумели весёлые голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.